

Санкт-Петербургский государственный университет

Филологический факультет

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания

Ли Иньфэн

**Грамматические и лексические особенности русско-китайского пиджина
в произведениях В.К.Арсеньева**

Выпускная квалификационная работа

магистра лингвистики

Научный руководитель:

к.ф.н., ст. преп. Соколовская Т.Б.

Рецензент:

к.ф.н., академический директор

Частного образовательного учреждения

дополнительного профессионального

образования "Державинский институт"

Молодых Е.В.

Санкт-Петербург

2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПИДЖИНА	
1.1 Диагностические признаки пиджина.....	6
1.2 Формирование и развитие пиджинов.....	11
1.2.1 Гипотезы о возникновении пиджинов.....	11
1.2.2 Этапы развития пиджинов.....	14
1.3 Особенности русского пиджина на Дальнем Востоке.....	22
1.3.1 История изучения русских пиджинов	22
1.3.2 Пиджины на основе русского языка.....	27
1.4 Русско-китайский пиджин и его особенности.....	31
ВЫВОДЫ	37
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКО-КИТАЙСКОГО ПИДЖИНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.К. АРСЕНЬЕВА	
2.1 Дальневосточные произведения В.К. Арсеньева.....	39
2.2 Лексические особенности русско-китайского пиджина в произведениях В.К. Арсеньева.....	41
2.3 Грамматические особенности русско-китайского пиджина в произведениях В.К.Арсеньева	53
2.3.1 Существительные в пиджине.....	53
2.3.2 Глаголы в пиджине.....	56
2.3.3 Местоимения в пиджине	59
2.4 Структура простого предложения в русско-китайском пиджине.....	60
ВЫВОДЫ	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	65
БИБЛИОГРАФИЯ.....	68
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	73

ВВЕДЕНИЕ

В мире существует огромное количество языков, постоянно переживающих трансформации, появление которых обеспечивает общество. В последние годы лингвисты все больше обращают на проблемы, связанные с формированием и дальнейшим функционированием пиджинов. Под пиджинами понимаются вспомогательные языки, не имеющие своего собственного коллектива носителей, и развившиеся на их основе креольские языки. Значительный интерес для языки данных типов представляют в связи с тем, что их изучение может прояснить некоторые вопросы, связанные с поисками причины их появления, а также на направления языковых изменений в целом.

Причиной возникновения пиджинов и креольских языков является потребность в общем языке у народов, имеющих длительное и интенсивное языковое контактирование. Однако следует обратить внимание, что условия, в которых создаются пиджины, со временем изменяются: если раньше причиной возникновения пиджинов были колонизация или совместная торговля, то в настоящее время пиджины могут возникать без прямого языкового и культурного контакта.

Языковые контакты обуславливают интенсификацию процессов заимствования языковых элементов, переключения кодов, двуязычия, смешения языков и т.д., в процессе которого неизбежно происходит культурный обмен.

В центре внимания специалистов по креольским языкам находятся, как правило, пиджины, креольские и смешанные языки, которые возникли на базе европейских языков. Пиджины, возникшие на основе русского языка, исследованы недостаточно, однако интерес к ним в настоящее время стремительно растет, о чем свидетельствует появление, в первую очередь ряда исследований, написанных такими учеными, как Е.В. Перехвальской, Ян Цзе, Е.А. Оглезневой и др.

Так, по мнению Е.В. Перехвальской, пиджин представляет собой редуцированный идиом, которые не имеет своих носителей. Исследователь обращает внимание на то, что как «язык» он не воспринимается даже теми, кто говорит на нем. Он представляет собой вспомогательное средство коммуникации, которое спонтанно возникает в стандартных коммуникативных ситуациях. Типичная ситуация формирования пиджина – это обмен товарами, торговля, ситуации подневольного труда.

Именно слабой изученностью проблемы возникновения и развития русско-китайского пиджина, в особенности употребления его в художественных произведениях, и определяется **актуальность** данного исследования.

В связи с рассмотренной актуальностью нами сформулирована **цель работы**: выявить грамматические и лексические особенности русского пиджина на Дальнем Востоке, отраженные в произведениях В.К. Арсеньева.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи** исследования:

- 1) дать общую характеристику пиджинов;
- 2) рассмотреть варианты пиджинов на основе русского языка и историю их изучения;
- 3) изучить особенности формирования русско-китайского пиджина в дальневосточном регионе;
- 4) проанализировать использование русско-китайского пиджина в дальневосточных произведениях В. К. Арсеньева.

Объектом исследования является русско-китайский пиджин.

Предмет исследования – грамматические и лексические особенности русско-китайского пиджина в произведениях В.К. Арсеньева.

Методы исследования. При выборе методов исследования основными требованиями являлось наиболее адекватное и полное решение задач на всех этапах проведения данного исследования. В зависимости от особенностей решаемых задач использовались:

- описательный (наблюдение, сравнение, классификация исследуемого материала, интерпретация);

- метод количественных подсчетов и сплошной выборки;

- приемы наблюдения, систематизации и лингвистической интерпретации исследуемого материала.

Гипотеза. Мы полагаем, что в частях речи русско-китайского пиджина, которые использованы в произведениях В.К. Арсеньева, отсутствуют изменения грамматических форм, а также русско-китайский пиджин имеет бедный словарный состав.

Научная новизна. Впервые в работе представлен комплексный анализ пиджина; выявляются особенности (грамматические и лексические) функционирования русско-китайского пиджина в художественных произведениях В.К.Арсеньева.

Практическая значимость работы. Результаты работы в дальнейшем могут быть использованы в преподавании курса социолингвистики, на семинарских и практических занятиях.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПИДЖИНА

1.1 Диагностические признаки пиджина

Пиджины – это контактные языки, которые рассматриваются таким разделом лингвистики, как контактология, или креолистика. Для обозначения контактных языков существуют различные термины: койне, лингва-франка, креольские языки, пиджины. Между этими понятиями есть некоторые различия, хотя общим является «вторичность по отношению к контактирующим языкам» [Перехвальская 2008: 8], однако чаще всего в лингвистике используется понятие «пиджин», на котором мы остановимся подробнее.

Происхождение термина «пиджин» связано с гипотезой, что в основе его лежит видоизмененная английская лексема *business* – дело [Виноградов 1990: 374]. Данное английское слово произносится как «пиджин» в пиджин-инглиш – англо-китайском контактном языке с 1807 год, передается на письме как *pigeon* [Беликов, Крысин 2001: 116]. Наряду с этим имеется и другое мнение о происхождении термина «пиджин». Так, китайский языковед-русист Ян Цзе связывает слово «пиджин» с английским (или другими европейскими) восприятием китайского выражения *пиджен / пичжэн – bizhen*, дословно переводимым как «очень похожий», и считает, что это выражение вполне смогло стать основной данного термина и по семантическим, и по фонологическим критериям [Ян Цзе 2007: 67]. Таким образом, нам представляется, что оба взгляда на этимологию термина «пиджин» являются достаточно мотивированными и отражают разные стороны одного явления.

В лингвистике существует несколько подходов к трактовке термина «пиджин». Мы остановимся на двух основных.

К первой группе мы отнесем работы, постулирующие вспомогательный характер пиджинов как языков, упрощенных по своей структуре,

привязанных к определенной ситуации общения (чаще всего она связана с торговлей).

С точки зрения Е.В. Перехвальской, пиджин представляет собой редуцированный идиом, который не обладает коллективом собственных носителей, и который не воспринимается самим говорящим как «язык», а лишь как вспомогательное средство коммуникации, которое спонтанно возникает в стандартных коммуникативных обстоятельствах. К «стандартным коммуникативным ситуациям» могут относиться обмен товарами, торговля, ситуация подневольного труда [Перехвальская 2006а:5].

Лингвист С.А. Бурлак утверждает, что «пиджин является межэтническим вспомогательным языком, который выполняет минимальное количество функций в очень узкой среде коммуникации при нерегулярных языковых контактах» [Бурлак 2005: 126].

Вспомогательный характер пиджина способствует изменению его структуры, которое М.В. Дьячков и Е.В. Перехвальская объясняют процессом редукции. М. Де Граф определяет «пиджины в виде упрощенных, лексически и структурно редуцированных, нестабильных неродных систем, которые имеют непостоянные и несогласованные структуры, сформированные и употребляемые для ограниченных ситуаций общения, среди взрослого населения, которое является носителем неизвестных языков» [DeGraff 1999: 6].

Мнение М. Де Графа близко мнению Дж. Холма, который считает, что «пиджин носит вспомогательный характер, привязан к ситуации и структурно редуцирован». Дж. Холм считает, что пиджин является редуцированным языком, представляющий собой результат «продолжительного межгруппового контакта людей, не имеющих совместного языка; пиджин формируется, когда у людей появляется необходимость в вербальных коммуникациях, это может быть связано с торговлей, при этом ни одна группа не знает родной язык другой группы по

неким социальным причинам, в частности, это может быть отсутствие доверия или близких контактов» [Холм 1988: 4-5].

Исследователь П. Баккер подчеркивает, что пиджин – это язык, образованный от другого языка, структурно упрощенный, особенно морфологически. Пиджины возникают тогда, когда людям необходимо взаимодействовать друг с другом, не имея для коммуникации совместного языка. «Пиджин подразумевает, что это не родной язык, он является субъектом освоения языка, он обладает структурными нормами, употребляются двумя или более группами, и, как правило, малопонятны для носителей языков, из которых заимствуется лексика» [Баккер 1995: 25].

В подходах, которые мы объединяем во вторую группу, традиционно пиджины рассматриваются лингвистами как языки, возникшие случайно вследствие контактов европейцев с неевропейцами:

Так, по мнению исследователя О.В. Первашовой, пиджин является гибридной формой языка, появившейся спонтанно, вследствие контакта между европейским языком (языком-источником) и языком коренного народонаселения таких континентов, как Австралия, Азия, Африка и острова Атлантического и Тихоокеанского регионов (языком-субстратом). Пиджин в этом случае не родной язык ни для кого из носителей [Первашова 2005:17]. Данный постулат совпадает с идеей Н.Б. Мечковской, отмечающей, что пиджины являются устными языками торговых и прочих деловых контактов, которые появились в результате совмещения элементов какого-либо европейского языка (речь идет об английском, голландском, испанском, португальском или французском) и элементов туземного языка [Мечковская 2000:109].

С.А. Бурлак считает, что пиджин является идиомом, стихийно возникшим в условиях контакта 2-х носителей 2-х или более языков, однако, в отличие от Н.Б. Мечковской и О.В. Первашовой, исследователь не уточняет, носители каких именно языков принимают участие в создании пиджина [Бурлак 2005: 64].

Французский лингвист Роберт Чауденсон различает два вида пиджинов и креолов – эндогенные и экзогенные. Как утверждает исследователь, эндогенные виды пиджинов и креолов сформировались в результате различных контактов между аборигенным населением и группой иммигрантов в рамках колониальных экспансий, которые возникли в торговых поселениях [Чауденсон 2001: 22]. Отметим, что под иммигрантами Р. Чауденсон подразумевает европейцев. К эндогенному виду принадлежит, например, ямайский креол.

Экзогенные типы образовались в результате контакта между группами иммигрантов и группами переселенных народов [Чауденсон 2001: 22].

Исследователь В.П. Коровушкин, давая определение пиджина, подчеркивает не родственность образующих его языков и называет ситуации, предшествующие появлению пиджина. По мнению ученого, пиджин является социально-историческим явлением, которое сформировалось в результате военно-политического, торгово-экономического и этнокультурного взаимодействия между представителями неродственных, изначально метропольных (британских) и местных (аборигенных), позднее различных индоевропейских и неиндоевропейских групп и языков, которое (явление) не имеет своей языковой исторической памяти и своих исконных носителей, а также системной структурированности. Такое явление обладает автономной экзистенциальной гибридной формой языка, по преимуществу, устной, однако также может быть и письменная фиксация [Коровушкин 2008: 183].

Научный подход Джона Рейнеке сложно отнести к какой-либо группе, так как исследователь дает общее толкование креольских языков, пиджинов, и лингва франка: маргинальные языки, которые возникают в областях с ярко выраженными общественно-культурными контактами, в условиях, когда у народонаселения нет возможности или необходимости на относительно хорошем уровне изучать языки друг друга [Рейнеке 1938: 108]. Однако отметим, что Дж. Рейнеке говорит о вспомогательной функции таких языков,

не уточняя между какими народами и в каких ситуациях общения происходят культурные контакты. Исследователь определяет языки как маргинальные, так как не соответствуют стандартам языков, на основе которых они были образованы.

Дж. Холм объясняет это тем фактом, что носители языка-суперстрата перенимают многие изменения, чтобы их было легче понимать и больше не пытаются говорить так, как они говорят в своей группе. Они взаимодействуют с другими группами и создают импровизированный язык, который отвечает их потребностям и уменьшает количество используемых слов, но компенсирует это за счет расширения их значений или за счет парафразы [Холм 1988: 7]. Именно поэтому, отмечает Е.В. Перехвальская, пиджин воспринимается как девиантный диалект, который называют «ломаным», «испорченным», «искаженным» языком [Перехвальская 2006а: 5].

По определению ученого, пиджин – это результат «минимизации» языка, который использует крайне ограниченный словарь, организованный в высказывания простейшим способом со значительной опорой на дискурс с целью передачи простейшей коммуникативной информации [Перехвальская 2006б: 8].

Р.Г. Пиотровский утверждает, что основанием пиджина служит довольно ограниченный словарь доминирующего языка. Как правило, словарь пиджина включает в себя 300-1500 лексических единиц, в то время как в словарном запасе среднестатистического носителя живого языка – 25000-30000 слов [Пиотровский 2006:45].

Таким образом, во всех приведенных определениях среди характерных черт пиджинов исследователи отмечают следующие (рис.1):

- 1) обладает вспомогательным характером;
- 2) используется спонтанно в таких ситуациях, как торговля, обмен;
- 3) не является ни для кого родным языком;
- 4) является упрощенным средством языкового общения;

- 5) передает самую простейшую коммуникативную информацию;
- 6) традиционно появляются на базе европейского языка.

Рис.1. Основные характеристики пиджина.

1.2 Формирование и развитие пиджинов

1.2.1 Гипотезы о возникновении пиджинов

Как известно, пиджин – это понятие социолингвистическое. Исследование структуры языка само по себе не сможет дать ответ на вопрос его возникновения, в результате чего теории возникновения пиджинов характеризуются моделями контактных ситуаций, в которых могли образоваться языки данного типа [Перехвальская 2006]. Как отмечает Е.В. Перехвальская, главные обсуждаемые вопросы, которые относятся к происхождению контактных языков, находятся в 2-х различных плоскостях.

Первый вопрос касается источника модели пиджинизации, в частности, того, как возникли пиджины в каждой отдельно взятой зоне

контакта: зависели ли друг от друга или формировались по уже известным моделям?

Второй вопрос имеет отношение к субстрату, то есть к значимости вклада каждого контактирующего языка, исходя из структуры контактных языков (лексика и грамматика) [Перехвальская 2006].

Рассмотрим несколько теорий, представляющих закономерности формирования пиджин-языков. Так, теория моногенеза аналогичные сходства пиджинов и креольских языков объясняет распространением единой модели [Перехвальская 2006б]. Согласно данной теории, пиджины, с европейской основой имеют общую генеалогию. Это объясняется их происхождением от единого португалоязычного пиджина, или протопиджина XVI века, сформированного, в свою очередь, на основе контактного языка «сабир», получившего распространение в Средние века в Средиземноморских регионах.

Противоположная гипотеза о возникновении пиджинов была сформулирована в рамках теории полигенеза, согласно ей пиджинизация происходила абсолютно во всех контактируемых областях, в которых были необходимые социолингвистические условия. Схожие черты структур пиджинов в этом случае объясняются спецификой процессов, которые осуществлялись во время интенсивного языкового контактирования [Перехвальская 2006б].

Следующая теория, объясняющая происхождение пиджинов опирается на теорию детской речи и теорию языка для иностранцев. Язык для иностранцев (foreigner talk) представляет собой то, как человек говорит с иностранцем, языка которого он не знает, т.е. этот язык имеет в некоторой степени упрощенный языковой регистр [Бурлак 2005].

С.А. Бурлак пишет, что в языке иностранца сохраняется основа лексических и грамматических систем стандартного языка. Среди основных отличительных черт его ученый называет более медленный темп речи, отход от сложной морфологической формы, упрощение синтаксических

конструкций, использование перифрастических методов обозначения сложных номинативных единиц. Также исследователь отмечает, что язык для общения с иностранцем используется такой же, какой употребляется для общения с детьми. Однако он не предназначается для изучения языка, его основной задачей является сделать так, чтобы адресат понял говорящего, вследствие чего для языка характерна ситуативная привязанность, предназначенная для обсуждения тех или иных ситуаций, которые совмещаются по месту и времени с фактами речи. Вместе с тем, при ситуативной привязке, эта система вполне может обеспечить необходимое понимание. Иностранец может выучить лишь отдельные слова (возможно, в искаженной форме) и начнет их использовать в том случае, если такого рода ситуации общения повторяются очень часто. По мнению ученого, именно так появляется пиджин – из *foreigner talk* собственного языка и элементов плохо изученного чужого [Бурлак 2005].

В основе теории образования контактных языков за счет поэтапного удаления от языка-источника, которая сопоставляет процессы пиджинизации с процессами усвоения второго языка, лежит ряд представлений, связанных с универсальностью механизмов редукции языка [Перехвальская 2006].

В том случае, когда необходимо организовать лексику плохо изученного языка используется универсальный механизм упрощения языка, напоминая поверхностное совпадение различных частей «недоусвоенных» вариантов языка с частями пиджинов и креольских языков. Однако между частями плохо усвоенного языка и частями пиджина есть принципиальное различие.

Большое количество плохо усвоенных вариантов характеризуется пусть упрощенными, но все же системами целевого языка, тогда как пиджин является особым языком, который необходимо специально усваивать [Arends 1995:233]. Во время изучения языка в процессе повышения языковой компетенции человека реализуется процесс приближения его речевой характеристики к формам целевого языка: наиболее удаленный вариант со

временем становится более близким, схожим с формами целевого языка. Следует отметить, что при пиджинизации целевой язык вовсе отсутствует (цит. по [Перехвальская 2006]).

Подводя итоги, резюмируем следующее: существует несколько теорий, объясняющих происхождение пиджинов, некоторые из них, например, теория моногенеза и полигенеза выражают кардинально противоположные точки зрения, остальные же теории объединяет общая идея, о том, что пиджины были созданы из фрагментов «своего» и «чужого» языка, организованных особым образом.

1.2.2 Этапы развития пиджинов

Если на первом этапе пиджин служит для взаимодействия европейцев и аборигенов, то позднее его начинают использовать местный этнос для взаимодействия между собой. Н.Б.Мечковская указывает на то, что, как правило, далее такие вспомогательные языки-посредники эволюционируют в основные языки одного или целого ряда этносов или совершенно новых этнических общностей. При этом усложняется его структурная основа, расширяется его словарь [Мечковская 2000].

Другими словами, пиджин-языки с течением времени могут преобразовываться в креольские, а это значит - становиться родным языком для местного населения. Как считает Р.Г.Пиотровский, пиджин, попав в точку бифуркации, вынужден либо выйти из употребления, либо, расширяя общественную, этническую и тематическую область коммуникации, переходит на протяжении 3-4-х поколений в совершенно новые диссипативные состояния, становясь самостоятельным креольским языком [Пиотровский 2006]. Это происходит вследствие того, что пиджин усиливает свою коммуникативную функцию.

В.П. Коровушкин определяет креольский язык как автономную экзистенциальную форму языка, создаваемую на базе формирования,

креолизации, предшествующего пиджина и являющуюся, в отличие от него, первым (родным) языком для того или иного языкового сообщества. Такого рода язык может получить или получает статус национального или государственного языка, приобретая при этом определенные общественные, лингвистические (системно-структурные) и функционально-коммуникативные характеристики [Коровушкин 2008].

Е.В. Перехвальская придерживается сходной точки зрения. Она пишет, что креольские языки – это «языки, которые возникли из пиджинов в результате процессов нативизации, когда пиджин стал родным языком отдельных коллективов говорящих». Важно отметить, что «креольские языки, в отличие от пиджинов, используются во всех необходимых коммуникативных ситуациях, в результате чего их грамматика усложняется (происходит расширение грамматических функций)» [Перехвальская 2006а:6].

Согласно этим утверждениям, «процесс нативизации сопровождается структурным расширением и усложнением: так как появляющийся креол берет на себя все функции родного языка, он усложняется и принимает разные грамматические и стилистические ресурсы, которые необходимы для языка, чтобы функционировать в качестве главного в языковом коллективе». В связи с этим, пишет П. Мазер, «логично предположить, что дети – это основные агенты креолизации и креолизация, по сути, является процессом овладения первым языком». [Мечковская 2000]

Среди креольских языков, которые стали официальными или этнически значимыми, выделяются, например «возникшие на английской основе языки государства Папуа-Новая Гвинея – ток-писин и хири-моту; язык крио в Сьерра-Леоне; язык сранатонга в южноамериканской республике Суринаме» [Мечковская 2000].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что пиджинизация языка характеризуется длительным преодолением языкового барьера между представителями отдельных этносов, которые занимают различные

социальные ниши и которые не имеют первоначально общего средства коммуникации [Крылова 2008].

Главными условиями формирования пиджинизации (рис.2) является, во-первых, «наличие доминантного этноса (завоевателей и колонизаторов), который составляет относительно небольшую, однако экономически сильную социальную группу, и является носителем языка-лексификатора, представляющего собой лексическую и отчасти грамматическую и фонетическую основу процесса пиджинизации» [Крылова 2008]. Следует уточнить, что языком-лексификатором считается язык одной из контактирующих групп, из которого чаще всего заимствуются лексические единицы.

Вторым необходимым условием пиджинизации считается наличие двух и более этносов, занимающих подчиненное положение в отношении доминантного этноса (такими этносами могут быть, к примеру, рабы или наемные рабочие на плантациях), и которые не имеют полного доступа к языку-лексификатору и не владеют не только языком-лексификатором, но и языками других подчиненных этносов [Крылова 2008].

Рис.2. Основные условия формирования пиджинизации языка

Е.В. Перехвальская обращает внимание, что, несмотря на то, что «пиджины структурно «менее сложны», чем языки, которые имеют обычную

историю, их неверно назвать упрощенной версией языков. Упрощение языка – выравнивание по аналогии, устранение нерегулярностей, а редукция языка – это утрата самих парадигм» [Перехвальская 2006]. Исследователь полагает, что процесс пиджинизации может быть описан как полная редукцию языка. Это объясняет и «сходство» пиджинов, в частности, их объединяет немаркированность лингвистических черт, в связи с чем нет таких специфических лингвистических черт, которые позволяли бы однозначно отнести язык к пиджинам, если история его развития не известна [Перехвальская 2006].

Важно отметить, что «термин «пиджин» охватывает широкий диапазон коммуникативных систем, которые сильно отличаются по реализовываемым ими функциям» [Крылова 2008]. И.А. Крылова предлагает разделить данный диапазон на несколько стадий или фаз развития (рис.3). Следует учитывать, что этапы формирования пиджина могут незаметно переходить один в другой или, в некоторой степени, наслаиваться друг на друга, т.е. между этапами нет четких границ. Дадим характеристику каждой стадии, предложенной исследователем.

Первая стадия развития получила название препиджин. Это самая базовая, менее всего лингвистически структурированная стадия формирования пиджина. Препиджины обычно являются итогом контакта и коммуникации между двумя группами людей, которые не имеют общего языка общения. У препиджина весьма ограниченное количество функций, поскольку он употребляется в небольшом наборе социальных и коммуникативных ситуаций. На данной стадии существует большая индивидуальная вариативность, крайне простая система звуков; говорящие зачастую применяют фонологию родных языков, одно-двусловные высказывания и довольно маленький лексикон [Крылова 2008].

Следующим этапом, согласно исследованию И.А. Крыловой, является трехкомпонентная гибридизация. Это важнейший процесс формирования настоящего пиджина. Трехкомпонентная гибридизация возникает в том

случае, если появившийся ранее препиджин начинает применяться в виде средства общения между как минимум двумя разноязычными группами людей, которые не говорят на языке-лексификаторе» [Крылова 2008].

Рис.3. Этапы формирования пиджина (по И.А. Крыловой)

Следом за трехкомпонентной гибридизацией идет стабильный пиджин, обладающий собственными нормами в грамматике, лексике и произношении, Вместе с тем все еще существует вариативность, которая являет собой

результат привнесения в речь говорящих качеств своих родных языков. У групп, использующих пиджин, нет более доступа к языку-лексификатору. В этом случае предметом изучения со стороны наемных рабочих или рабов становится пиджин, а не язык-лексификатор [Крылова 2008] .

И.А. Крылова утверждает, что после стадии стабильного пиджина возможны два пути развития:

- Первый путь предполагает, что пиджин продолжает употребляться в ограниченном наборе социальных функций, например, только для торговли. В этом случае он может сохраняться в стабильном состоянии продолжительное время, однако его использование может уменьшиться, и он закончит свое существование.

- Второй путь – эволюция стабильного пиджина в расширенный пиджин, когда расширенный пиджин становится необходимым для многоязычного общества, в результате чего выходит за рамки тех простых ограниченных назначений, для которых он был образован. Прежде всего он приобретает статус основного языка стабильного общества говорящих на нем как на родном, хотя изначально никто не говорил на нем. Позднее, когда у говорящих на нем появляются дети, расширенный пиджин для них (детей) становится родным языком.

Так пиджин нативизируется среди определенного социума, т.е. превращается в креол. Креол, который признается государственным языком, определяется как креольский язык [Крылова 2008].

Е.В. Перехвальская также делит структуры пиджинов на несколько разновидностей по принципу сложности грамматических правил и развития словаря:

- 1) «редуцированный пиджин»,
- 2) «расширенный пиджин»,
- 3) «стабильный пиджин» [Перехвальская 2006].

Пиджин, включающий в себя несколько сотен слов, определяемых прагматическим кодом, в контактологии называется «жаргон», а «редуцированный пиджин» является наиболее продвинутым идиомом.

«Расширенным пиджином» обслуживаются различные коммуникативные ситуации, которые характеризуется тем, что в них значительно расширяется лексикон, усложняется грамматическая структура, способная передавать довольно тонкие нюансы лексических и грамматических значений. Пиджин, на котором продолжают разговаривать, может начать развиваться в сторону данного языка, постепенно получая все больше его качеств (в фонетике, морфологии, синтаксисе), пока, наконец, не станет оригинальным диалектом данного языка, или стабилизироваться, когда «его «мягкая» грамматика трансформируется в «жесткую». Отличие такого пиджина от обычного языка заключается лишь в том, что все также нет людей, для которых он стал бы родным [Перехвальская 2006].

В.И. Беликов придерживается точки зрения, сходной с мнением И.А. Крыловой, на процесс расширения пиджина. Он пишет, что креолизация не является единственным путем функционального развития пиджина. Обстоятельства могут сложиться таким образом, что родным для большинства его носителей языком, как и раньше, служит этнический язык, однако отдельные важнейшие коммуникативные задачи общества (вплоть до государственных) обслуживает пиджин. В результате чего неизбежным становится его дальнейшая стабилизация, лексическое и грамматическое обогащение. Таким образом, происходит образование пиджина [Беликов 1997].

Процесс креолизации «характеризуется дальнейшим расширением коммуникативных функций и одновременным развитием новых грамматических систем с образованием прозрачной глагольной морфологии и сложной синтаксической схемы фразового уровня. Лексический состав и синтаксис креольского языка также заметно расширяется в сравнении с

пиджином для того, чтобы удовлетворить любые потребности в общении говорящего» [Крылова 2008].

По мнению И.А. Крыловой, креольский язык может претерпевать значительные изменения. Сосуществуя определенное время с языком-лексификатором как языком образования и управления, креольский язык после периода сравнительно независимого лингвистического формирования подпадает под новое влияние того же самого языка-лексификатора. При том, что язык-лексификатор пытается влиять на креол, что, в свою очередь, приводит к изменению в произношении, лексике и синтаксисе креола в сторону местных нормативных вариантов языка-лексификатора. Постепенно происходят заимствования все большего количества форм из языка-лексификатора в креол, а черты, характерные для креола, постепенно исчезают. Процессы постепенного сближения и замещения креольского своим более престижным языком-лексификатором называются декреолизацией. Вслед за креолизацией пиджина может сформироваться посткреольский континуум [Крылова 2008].

Подводя итоги, обобщим: становление пиджин-языков – это сложный процесс, который проходит в несколько стадий. По мере того как новый язык вбирает в себя черты субстрата и суперстрата он в конечном счете либо прекращает существование, либо преобразуется в креол. В том случае, если в течение определенного времени пиджин усложняется, становится возможным его применение в более широком круге социальных ситуаций, он становится родным языком для следующих поколений местного населения, преобразуясь в креольский язык, и даже может стать государственным языком. Однако и креольский язык может подвергаться существенным изменениям, в результате которых его развитие может начать двигаться в сторону сближения с языком-лексификатором.

1.3 Особенности русского пиджина на Дальнем Востоке

1.3.1 История изучения русских пиджинов

Языковые контакты являются важнейшим фактором исторического развития языка. Теория языкового контакта представляет собой отдельный раздел в социолингвистике, посвященный вопросам языкового контактирования. Данный раздел исследует условия влияния одних языков на другие, процессы взаимного влияния, а также результаты языкового контактирования. При этом наряду с изучением социальных условий такого контактирования, исследуются процессы, которые происходят в языках на различных языковых уровнях.

В свою очередь, одним из важнейших направлений теории языкового контакта является креолистика (контактология). Исследователи, которые работают в этом направлении, изучают процессы формирования, функционирования и дальнейшего развития пиджинов, креольских и смешанных языков, объединяемых ими в общее понятие «контактные языки». Исследование этих языковых форм вызывает большой интерес для лингвистики, поскольку способно ответить на многие вопросы, которые связаны с поисками причин и направлений языковых изменений.

Хотя основа креолистики была заложена Х. Шухардтом еще в XIX веке, однако как самостоятельное направление в лингвистической науке она стала формироваться только с 50-х годов XX века. Самым элементарным контактным языком в креолистике принято считать жаргон, однако данный термин используется не всеми креолистами; иногда первой фазой формирования контактного языка является препиджин, в прочих случаях любой вспомогательный язык называется пиджином, а начальные стадии его развития – ранний, или нестабильный, пиджин.

На наш взгляд, целесообразно употреблять термин «пиджин» в более широком значении, характеризуя им контактный язык в целом. В случае же

акцентирования внимания на эволюционных аспектах данных языковых явлений необходимо использовать термины «препиджин» и «расширенный пиджин» [Беликов 1997].

С 1920-х годов в связи с изменением общетеоретических подходов к изучению языка в мировой лингвистике началось обращение к тем формам бытования языков, внимание которым прежде лингвистами не уделялось. В поле научных интересов попали и русские пиджины. Практически одновременно вышли работы, знакомящие с двумя контактными языками на русской лексической основе:

- руссенорску (русско-норвежскому) пиджину,
- сибирскому (китайско-русскому) пиджину [Брок 1992: 34].

С точки зрения лингвистов, эти работы были совершенно неравноценны по представленному материалу и по уровню осмысления контактных явлений. Так, О. Брокком были собраны и опубликованы все известные на тот период материалы по руссенорску, и его работа до сих пор не утратила своей научной значимости.

Вторым этапом в изучении русских пиджинов можно считать 1960-е годы, когда появился ряд работ, связанных с контактными языками на русской основе [Шпринцын 1968] [Меновщиков 1968]. В данных публикациях авторы в большей степени обозначили явление контактного языка, чем провели подробный анализ. При этом очевидно, что наблюдения, которые оказались опубликованными, были сделаны раньше: так как известно, что А.Г. Шпринцын собирал материалы по китайско-русскому пиджину в течение нескольких десятилетий, а основные материалы были им собраны еще в 1920-30 годы.

В результате А.Г. Шпринцын опубликовал лишь небольшую статью, большая часть материалов осталась неизданной. Записи А.Г. Шпринцына лишь приблизительно отражают особенности произношения слов в пиджине. Исследователь пользовался для записи слов либо кириллицей, либо китайской иероглификой.

Следует заметить, что эти материалы дают возможность исследовать собственно грамматическую структуру пиджина, поскольку в них есть не только фразовые образцы, но и записи текстов, в том числе примеры фольклора на пиджине. Они выявляют особенности бытования китайско-русского пиджина в Маньчжурии и Владивостоке в 1920-1930-е годы, демонстрируя, что пиджин в то время значительно расширил сферы своего употребления и вышел за рамки собственного торгового языка.

Перелом в изучении русских пиджинов как в России, так и за рубежом, произошел с середины 1970-х годов, и был связан с бурным развитием изучения пиджинов и креольских языков, сформировавшихся на основе западноевропейских языков. Это произошло, как принято считать, после конференции в Гонолулу, по результатам которой вышел первый значительный сборник статей, полностью посвященный вопросам креолистики [Hymes 1971].

Издание этого сборника стимулировало множество исследований пиджинов и креольских языков во всем мире (хотя в первую очередь в англоязычном лингвистическом мире); их количество стало расти, и привело к тому, что креолистика превратилась в одно из самостоятельных лингвистических направлений. В России появились первые переводные работы, в которых были собраны статьи ведущих креолистов того времени. Это привлекло внимание российских лингвистов к проблематике контактных языков на русской лексической основе.

В 1980 году вышла небольшая статья Джоанны Никольс, посвященная пиджинам на русской основе [Джоанны Никольс 1980], автор которой собрал по разным источникам (всего 16 литературных произведений) те цитации из прямой речи персонажей, которые по определенным параметрам сходны с пиджином. В результате анализа этих источников Дж. Никольс систематизировала такого рода идиомы, разделив их на три группы: речь идет о китайско-русском пиджине, «ломаном русском» и «упрощенном

русском». В ее работе был упомянут также и китайско-русский пиджин, представленный в произведениях В.К.Арсеньева.

В целом, можно отметить, что Дж. Никольс своими исследованиями внесла большой вклад в изучение имеющихся литературных источников.

Новый этап в изучении пиджинов на русской основе начался после издания сборника научных материалов в Москве в 1987 году, опубликованного после рабочего совещания, посвященного возникновению и функционированию контактных языков. Помимо докладов, которые интерпретировали уже известные материалы [Давыдов, Пономаренко, Куратова 1987; Перехвальская 1987], появились оригинальные исследования, которые вводили в научный оборот новый материал. Речь идет, прежде всего, о статье Е.А. Хелимского о таймырском пиджине, который был назван им «говорка» [Хелимский 2000:278]. Это название, вынесенное в заголовок статьи, так и закрепилось за этим вариантом русского пиджина. Е.А. Хелимский, наряду с занимающимся исследованием говорки Диттер Штерн, рассматривают ее как отдельный пиджин, сформировавшийся на основе русского языка, независимо от других пиджинов.

Дополнительное значение этого исследования заключалось также в том, что Е.А. Хелимский убедительно доказал, что русские пиджины можно найти не только в публикациях, поднимая архивные данные и перечитывая записки путешественников, но и в настоящее время в полевых условиях. Он продемонстрировал, что идиомы этого типа живы, и на них говорят. Автору удалось записать многочисленные примеры высказываний и целых текстов на пиджине в основном в ходе работы с нганасанами, которая велась, начиная с 1986 года [Хелимский, 2000: 279].

Позднее этот доклад, дополненный и переработанный, вошел в книгу «Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи» [Хелимский 2000]. К сожалению, в обеих публикациях Е.А.Хелимского по «говорке» приводится один и тот же текст, и других публикаций собственно языкового материала он не сделал. Вместе с тем нельзя отрицать научную новизну его

выступления, поскольку доказывало существование живых пиджинов. В то время, как многие лингвисты, сталкиваясь в своей полевой работе с пиджинами, находящимися с ситуации постпиджинного континуума, не всегда идентифицировали их как пиджины, тем самым придерживаясь обычной ненаучной точки зрения на пиджин как на «ломаный», «испорченный» язык.

Действительно, большинство работ по русским пиджинам, которые появились в это время, сочетали лингвистический анализ с описанием социолингвистической ситуации, изучением истории формирования того или иного варианта пиджина. При этом часто фиксировались отдельные наиболее заметные и яркие особенности пиджина, но последовательного грамматического анализа не проводилось. Исключением можно считать исследования, проведенные по руссенорску, выполненные норвежскими лингвистами, а также работы по алеутско-медновскому языку.

К этому же периоду (1985 год) относятся несколько аудиозаписей языка, сделанных в ходе экспедиции в места проживания удэгейцев. Е.В. Перехвальская совместно с Ф.А. Елоевой сделали их, обратив внимание на то, что данный пиджин был языком общения старшего поколения различных народностей (среди которых были удэгейцы, нанайцы и китайцы), проживавших в среднем течении реки Бикин в Приморском крае. Были записаны несколько информантов (Н.Л. Мартынова, Н.С. Пионка, Д.Е. Канчуга, П.Е. Пионка). Эти записи были тогда же расшифрованы, и легли основой для нескольких научных сообщений [Елоева, Перехвальская 1987]. Исследователи назвали данный открытый ими язык дальневосточным контактным языком. Елоева и Перехвальская описывали, главным образом, его структуру (фонетику, грамматику, словарь), практически без учета внешней истории этого языка. Однако эти исследования положили начало дальнейшим поискам подобных идиомов.

1.3.2 Пиджины на основе русского языка

Традиционно пиджины рассматривались лингвистами как языки, которые появились на базе европейских языков. В настоящее время известно о существовании пиджинов и на русской основе. В ходе расширения границ России на ее окраинах, по мере развития контактов русских с населением Урала, Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока возникали различные вспомогательные языки, среди которых появились и русские пиджины. Отдельные из этих языков упоминаются в литературе при описании речи так называемых инородцев.

Следует отметить, что одна из главных особенностей русского языка в сравнении с западноевропейскими языками, которые стали лексической базой для большого количества популярных пиджинов, – это его словоизменяющая морфология. Вместе с тем социолингвистической особенностью русских пиджинов можно считать и то, что они обладают иными, чем у других подобных форм контактных языков, условиями для своего возникновения: это, главным образом, ситуация обмена, торговли, а не принудительного труда на плантациях, куда свозили людей, зачастую не имевших общего языка.

Существуют различные типы пиджина на русской основе:

- 1) русско-норвежский пиджин или руссенорск;
- 2) таймырский пиджин или «говорка»;
- 3) сибирский пиджин или русско-китайский.

Руссенорск представляет собой пиджин, употреблявшийся торговцами, рыбаками и моряками в бассейне Баренцева и Белого морей. Языковой контакт на севере Скандинавского полуострова, где либо в постоянных либо во временных контактах находились носители таких языков, как саамский, финский, русский, норвежский и шведский, в соответствующих диалектах имели в различное время разный вид [Кузьменко 2008: 136; цит. по Перехвальская 2008]. Так, руссенорск сложился как язык меновой торговли

между русскими поморами и норвежцами в XVIII веке, а вышел из употребления только в 1920-е годы. Словарный запас руссенорска состоял приблизительно в равных пропорциях из русских и норвежских слов, одновременно в его состав были включены отдельные слова, восходящие к английскому, голландскому, немецкому, французскому и саамскому языкам. «Произношение звуков заимствовалось как из русского языка, так и из норвежского, при этом звуки, отсутствовавшие в норвежском языке, могли изменяться или упрощаться» [Брок 1992: 25].

Грамматической особенностью руссенорска является отсутствие морфологической оформленности у большинства знаменательных слов. Как отмечается, лишь некоторые существительные, прилагательные и глаголы имеют морфологическую оформленность. Незнаменательные части речи в руссенорске присутствуют: предлоги, союзы, междометия, однако они немногочисленны. Для словообразования руссенорска характерны суффиксация, словосложение и редупликация. Как в синтаксисе русского языка, в синтаксисе руссенорска отмечаются свободный порядок слов и различные способы связи частей предложения: сочинение и подчинение. Вместе с тем в предложениях предикат употребляется в постпозиции [Беликов 2001:128].

Объем словаря руссенорска составлял 390 единиц. Активными группами лексики, кроме общеупотребительной, были те, которые тематически связаны с морем, рыбалкой, и торговлей [Давыдов, Погомаренко, Куротова 1986: 45-46] Данный факт объясняется специфическими условиями коммуникации, связанными со сферами мореплавания, рыболовства и торговли.

Специфической чертой руссенорска является то, что у него два полноправных языка-лексификатора, в то время как у пиджина - один. Кроме того, для руссенорска характерна лексическая дублетность, когда один предмет или понятие имеет два обозначения: одно обозначение относится к русскому языку, а другое к норвежскому. Как указывается в

исследовании, при этом в речи на пиджине русские используют норвежские обозначения, а норвежцы – русские [Беликов 2001: 127]

Просуществовав до 1920-х годов, руссенорск исчез. Его исчезновение объясняется следующими причинами. Во-первых, в конце XIX – начале XX века к руссенорску стали относиться как «дурному русскому». В результате, оценка руссенорска изменилась и «его стали описывать как “hodge-podge” – “идиотскую смесь норвежских, русских и английских слов”». Изменения в торговых отношениях требовали все более глубокого знания языка, и норвежские и поморские купцы стали учить языки друг друга. Вторым фактором, повлиявшим на исчезновение руссенорска, стал экстралингвистический фактор: революция 1917 года и последовавшая за ней гражданская войны, прервавшие торгово-экономические связи между Россией и Норвегией. Тем не менее, как отмечают исследователи, «на сегодняшний день руссенорск является ценным культурным наследием, объединяющим Россию и Норвегию» [Перехвальская 2008:212].

Вторым, возникшим на территории России пиджином, можно считать русско-таймырский пиджин или так называемая «говорка», который сформировался на полуострове Таймыр в начале XX в. как язык межэтнического общения русских переселенцев и коренного населения – представителей разных ветвей уральской и алтайской языковых семей. Субстратом говорки являются урало-алтайские языки агглютинативного строя. Из-за усиления контактов с русскими и под влиянием всеобщего школьного образования в настоящее время «говорка» практически не используется: вытеснен современным русским языком.

Как отмечается в исследованиях, языковые особенности таймырского пиджина также характеризуются упрощенностью по сравнению с языком-источником: полностью трансформируется грамматической строй (используется одна падежная форма у имен, радикально преобразована система личных местоимений, неактуальным становится противопоставление глагольных видов, наблюдается ярко выражена тенденция к аналитизму,

отмечается отсутствие предлогов и присутствие послелогов и др.), синтаксический строй речи близок к урало-алтайскому типу, преобладает порядок слов с предикатом в конце предложения) [Хелимский 1986: 127]

Е.В. Перехвальская считает, что поскольку говорка сохранила время, лицо и число в глаголах, в имени же были утрачены такие категории, как род, падеж, было перестроено число, то она не может считаться пиджином. Исследовательница приводит точку зрения Е.А. Хелимского, который является первооткрывателем говорки: в СРЯ отличаются два числа и (в единственном числе) три рода в форме прошедшего времени изъявительного наклонения и в условном наклонении, два числа и три лица в настоящем и будущем времени индикатива. Таким образом, можно предположить, что говорка не сохранила, а приобрела отдельные морфологические формы, переняв их из русского языка и подобные заимствования грамматических форм из языка – лексификатора – это та ситуация, которая называется «постпиджинный континуум» [Перехвальская 2007: 164].

Таким образом, вероятно, любую разновидность русского пиджина можно считать вариантом одного языка, а руссенорск является отдельным языком. Так, говорка пересекается с сибирским пиджином многими структурными чертами, которые отсутствуют в руссенорске (в нем присутствуют послелоги, выражена множественность при помощи квантификатора «все», порядок слов - OVS - имеет подлежащее, выраженное личным местоимением, и т.д.). Данный факт свидетельствует о том, что говорка и дальневосточный пиджин ближе друг к другу, чем к руссенорску и, по сути, являются вариациями одного идиома. Несмотря на то, что говорка и дальневосточные вариации разделяются между собой тысячами километров, данные художественной литературы говорят о том, что на всем этом пространстве в XIX веке употреблялся сибирский пиджин, вариантами которого являются и кяхтинский язык, и язык Дерсу Узала, и говорка.

На сегодняшний день наиболее исследованным среди сибирских пиджинов, появившихся на русской основе, является русско-китайский пиджин, более подробно о котором речь пойдет далее.

1.4 Русско-китайский пиджин и его особенности

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению русско-китайского пиджина, необходимо обратить внимание на процессы, приводящие к появлению пиджина, и на вероятные результаты эволюции данного языка. Как пишут исследователи, «выбор языка, на основе которого образуется препиджин, обуславливается сугубо прагматической причиной: его базой является тот язык, редуцированная форма которого по определенным причинам оказывается наиболее эффективной для процесса коммуникации. В результате чего основная часть лексики пиджина, как правило, восходит к контактирующему языку, который, в свою очередь, в креолистике называется лексификатором» [Беликов, Крысин 2001: 197].

В русско-китайском пиджине языком-источником – суперстратом, лексификатором – является русский язык. Языком-субстратом выступает, как правило, родной язык, который наиболее заинтересован в новом коммуникативном средстве. Это тот язык, по образцу которого в пиджине складывается грамматика и фонология. В случае с русско-китайским пиджином в китайском его этнолекте языком-субстратом является китайский [Оглезнева 2010: 9].

На территории Дальнего Востока России в процессе регулярных массовых контактов носителей русского языка с носителями других языков (аборигенными народами, китайцами, корейцами, аборигенными народами) использовался русско-китайский пиджин. Термин «русско-китайский пиджин» мы используем в том значении, которое в настоящее время закреплено в социолингвистике: это особый контактный язык, который появлялся в местах активного социального контактирования русских и

прочих населявших Дальний Восток народов неславянского происхождения, главным образом, китайцев. Исследователь Е.А. Оглезнева отмечает, что русско-китайский пиджин обслуживал также контакты с монголами, а позже с нанайцами, удэгейцами, корейцами и почти не использовался в контактах всевозможных нерусских групп между собой [Оглезнева 2007:14].

В научной литературе русско-китайский пиджин имел разные обозначения. Наряду с названием «русско-китайского пиджина», существуют и другие: кяхтинское китайское наречие русского языка (С.Н. Черепанов), маймачинское (А. Александров) или кяхтинское (Г. Шухарт) наречие, смешанный китайско-русский язык (А. Яблонская), дальневосточный контактный язык (Ф. Елоева), русско-китайский диалект (А.Г. Шпринцин), дальневосточный пиджин, сибирский пиджин (Е. Перехвальская), забайкальско-маньчжурский предпиджин (Ян Цзе).

Самыми старыми названиями, обозначающим это языковое явление, являются «кяхтинское» и «маймачинское» наречия, название которого объясняется местом его появления и употребления - в Забайкалье в области русского города Кяхта и китайского города Маймачин в начале XVIII века; употреблялся он для торговли и был обязательным для китайцев.

Принято считать, что существовало три основные разновидности русско-китайского пиджина: кяхтинская, дальневосточная, харбинская, которые хронологически разделены более чем столетием на Дальнем Востоке, в Забайкалье, в Харбине.

Кяхтинский пиджин.

Он зародился в XVIII-XIX веках как торговый пиджин в области русско-китайской границы в Забайкалье. Изначально данный пиджин употреблялся китайскими и русскими купцами в пограничье – в русском городе Кяхте и китайском городе Маймачине. В 1727 году в Кяхте был подписан известный Кяхтинский договор, результатом которого стало упорядочение русско-китайской торговли. Через Кяхту двигались торговые караваны из Москвы в Пекин. Согласно договору разрешалось отправлять в

Пекин только один караван в год численностью не более 200 человек, но возможность беспошлинной пограничной торговли в Кяхте значительно увеличила ее общий объем и способствовала становлению Кяхты как торгового центра.

Напротив Кяхты в 1730 году возник китайский торговый центр под названием Маймайчэн - «торговый город». Как пишет исследователь, русские купцы обменивали в Кяхте пушнину, овчину, сукно, выделанные кожи, а китайские – шелковые ткани, чай [Беликов 1991: 27]. В связи с расширением пограничной торговли, безусловно, возникает вопрос о языке, на котором происходила коммуникация между русскими и китайскими торговцами. Как считает В.Паршин, коммуникация велась на особом русском языке. Китайцы, по его мнению, разговор о торговых делах вели на русском языке, однако «лишь житель Кяхты способен понять их. Для непривычного слуха данный язык покажется подобно китайскому» [Паршин 1844: 94-95]

Таким образом, по мнению исследователей, кяхтинский пиджин был создан на базе русского языка, но специфика этого пиджина непосредственно связана с особенностями китайского языка.

Следующими вариантами дальневосточной разновидности русско-китайского пиджина по времени их появления можно считать русско-китайский пиджин конца XIX – начала XX вв. и русско-китайский пиджин 20-30-х гг. XX в.

Русско-китайский пиджин конца XIX – начала XX веков (дореволюционный).

Русско-китайский пиджин в конце XIX – начале XX вв. существовал на территории Дальнего Востока (в Приамурье, Уссурийском крае, Приморье). По словам Оглезневой, на рубеже XIX – начала XX веков на Дальнем Востоке установилась самобытная языковая ситуация, которая стала результатом этнической неоднородности региона, в котором проживало не только аборигенное население, но и восточнославянское население (в частности: русские, украинские и белорусские народности), переселенное из

западных регионов России, а также подданные Китая – в том числе, китайцы и маньчжуры.

Как отмечает исследователь, функционировавший в то время пиджин был представлен несколькими этнолектами: русско-китайским, маньчжурским, манегрским, нанайско-удэгейским и т.п. Представители славянского населения в общении с инородцами говорили упрощенно на родном языке, то есть пользовались так называемым «регистром для иностранцев» [Оглезнева 2010: 14]. Характерными языковыми особенностями русско-китайского пиджина является тяготение предиката к концу предложения, отсутствие словоизменения глагольных словоформ, а также в китайском этнолекте присутствуют редуцированные двойные словоформы, представляющие собой соединение двух одинаковых слов для усиления этим удвоением свою семантику («мало-мало») или соединение двух разных слов («фанза-ловушка»).

Русско-китайский пиджин 20-30-х гг. XX в. (послереволюционный).

Главная особенность региональной языковой картины на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы XX века – китайское присутствие в ней. Это проявилось, во-первых, в активном употреблении специфических регионально окрашенных лексем в русском языке дальневосточников – специфической китайской ноты в нем, а во-вторых, в функционировании контактного языка, который использовали китайцы и другие народы края в общении с русскими.

Описывая русско-китайский пиджин 20-30-х годов XX века исследователь С.А.Врубель, сделал важные замечания:

- 1) на русско-китайском пиджине говорят и русские, и китайцы;
- 2) имеется грамматическая опустошенность слов и конструкции;
- 3) произношение слов в русско-китайском пиджине сообразно китайскому произносительному стандарту «сейчас» произносится «си-ча-са»;
- 4) русская фраза построена по синтаксису китайского языка (Мая не знай) [Врубель 1931: 135].

Е.А. Оглезнева отмечает, что в области лексики русско-китайского пиджина выделяется несколько пластов:

а) обиходно-бытовая лексика русского языка с широким использованием разговорно-просторечных форм и областных слов (шибко, сопка);

б) пласт китайской лексики невелик по отношению к основному, около 6 – слов (люда, чен). Кроме вышесказанных разновидностей русско-китайских пиджинов, есть еще харбинский вариант русско-китайского пиджина [Оглезнева 2010: 101]

Харбинский русско-китайский пиджин, зародившийся в Харбине в начале и середине XX века (1898-60-е годы XX века), представляет собой русско-китайский пиджин, возникший в результате торговых и культурных обменов между китайским и русским народами. Появление данного пиджина тесно обусловлено экстралингвистическими причинами: тремя этапами русской эмиграции в Харбин.

В середине XIX века в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) огромное количество русских переехало в Харбин. Когда в июле 1903 года было открыто движение по Китайско-Восточной железной дороге, русская диаспора этого населенного пункта насчитывала более 20 тыс. человек.

После начала русско-японской войны возникла вторая волна эмиграции. В это время Харбин стал основной базой для снабжения русских солдат боеприпасами, в связи с чем количество русских эмигрантов резко возросло: на тот момент их насчитывалось более 100 тыс. человек.

После Октябрьской революции множество дворян, гражданских и военных чинов, торговцев, промышленников и помещиков подверглись гонениям со стороны новой власти. Чтобы избежать подобной участи, они вместе с семьями переселялись на Северо-восток Китая, в большей степени в Харбин. Согласно статистическим данным, в 1918 году в Харбине

насчитывалось более 60200 русских эмигрантов, в 1920 году – 131 073, в 1922 году – 155 402. После гражданской войны, в 1923 году, число русских эмигрантов составляло около 200000 человек, что даже превышало количество харбинских китайцев. Харбин являлся самым крупнейшим центром русского поселения в Китае, в связи с этим именовался «Восточной Москвой». В Харбине русские эмигранты занимались различными видами деятельности, в частности: развивали промышленную сферу, торговый и финансовый сектор, сферу обслуживания, литературы, искусства, культуры и образования, издавали газеты, журналы и книги. С расширением сферы их деятельности взаимодействия между ними и харбинскими китайцами становились более и более тесными [Жао Лянлунь 2000: 81].

Изначально китайцы и русские эмигранты не имели общего языка. Для устранения языкового барьера, с целью установления коммуникации харбинское население осуществило перенос транслитерированных русских выражений в свою речь. Позднее в Харбине появился особый «язык» – так называемый харбинский русско-китайский пиджин. Его отличительной особенностью было то, что лексическая система базировалась, главным образом, на русском языке, а грамматический строй – на китайском. Он характеризовался узким словарем и весьма простой грамматикой, имел только устную форму (письменная форма использовалась в вывесках и рекламе различных магазинов), применялся в форме временного регионального коммуникативного средства и удовлетворял потребности в общении между русским и китайским населением Харбина.

Созданные по мере необходимости, большинство пиджинов существует совсем недолгое время, выходя из обихода, когда исчезают условия, послужившие причиной их появления. Так, с середины 50-х годов XX века вследствие ухудшения взаимоотношений между Китаем и Россией, перемен в международной обстановке, смерти харбинцев старого поколения, переселения русских эмигрантов, усиления тенденции к интернационализации английского языка и равнодушия нового поколения

китайцев к харбинскому русско-китайскому пиджину, он потерял свою основную коммуникативную функцию. В конце 50-х годов XX века харбинский русско-китайский пиджин постепенно начал выходить из обихода, подтверждая тем самым идею о том, что временность и региональность являются решающими факторами его исчезновения.

ВЫВОДЫ

На основании всего вышесказанного мы пришли к следующим выводам:

В качестве признаков пиджинов можно выделить следующие: взаимообусловленная «непонятность» (неполная понятность) пиджина и другого языка (языка-лексификатора); за счет произвольных упрощений языка его носителем пиджин невозможно создать; пиджин – это не родной язык для тех, кто говорит на нем; его использование чаще актуализируется в торговле.

Существует несколько теорий, объясняющих происхождение пиджинов, некоторые из которых (например, теория моногенеза и полигенеза) имеют в корне противоположные точки зрения, остальные же теории объединяет общая идея, о том, что пиджины были созданы из обломков своего и чужого языка, которые были организованы особым способом.

Становление пиджин-языков – это сложный процесс, который проходит в несколько этапов. Новый язык впитывает в себя черты субстрата и суперстрата и в конечном итоге либо преобразуется в креол, либо прекращает свое существование.

Описаны несколько типов пиджина на основе русского языка: русско-норвежский, таймырский, русско-китайский. Во всех упомянутых русских пиджинах присутствуют общие структурные черты: русский язык является языком-лексификатором (субстратом), основа пиджина состоит из русской

лексики, однако она характерна скудным ограниченным словарем, обусловленной самой сферой коммуникации. К языку-субстрату относятся разные языки, которые влияют на грамматику, фонетику, а также и лексику.

Русско-китайский пиджин использовался как коммуникативное средство не только для общения русских с китайцами и с аборигенными народами на Дальнем Востоке, но и в этнически смешанной среде, обслуживая в первую очередь торговые контакты. Исторически на Дальнем Востоке, в Забайкалье и в Харбине выделяется три основных периода существования русско-китайского пиджина: кяхтинский, дальневосточный, харбинский, которые разделены между собой более чем столетием своего существования.

Русско-китайский пиджин имеет особенности на всех уровнях языка: в лексике, грамматике, фонетике. Его специфическими чертами являются упрощенная грамматика (отсутствуют формы словоизменения) и ограниченная лексика (большинство лексем служат только для ограниченных ситуаций общения).

Для нашей дальнейшей практической части работы мы выделим две классификации: лексическую и грамматическую (в том числе морфологическую и синтаксическую).

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКО-КИТАЙСКОГО ПИДЖИНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.К. АРСЕНЬЕВА

На территории Дальнего Востока России регулярно возникали ситуации массовых контактов носителей русского языка с носителями таких языков, как китайский, корейский, а также языков аборигенных народов. В ходе подобных массовых контактов для коммуникации использовался русско-китайский пиджин.

Термин «русско-китайский пиджин» мы используем в том значении, которое в настоящее время закреплено и общепринято в социолингвистике: это особый контактный язык, который появлялся в местах активного общественного контактирования русских и прочих населявших Дальний Восток народностей неславянского происхождения, главным образом, китайцев. Таким образом, русско-китайский пиджин использовался в общении русских не только с китайцами, но и с народами других национальностей.

Одним из источников изучения пиджинов являются тексты художественной литературы. Объектом нашего исследования стала речь проводника-нанайца в романах В.К. Арсеньева «Дерсу Узала», «По Уссурийскому краю», «Сквозь тайгу».

2.1 Дальневосточные произведения В.К. Арсеньева

В романах, изданных в 1921 и 1923 годах, описывается увлекательное путешествие В.К. Арсеньева по Уссурийской тайге, в котором он выступает в роли натуралиста-исследователя. Во время своего путешествия по реке Лефу Арсеньев познакомился с Дерсу Узала, который впоследствии и стал главным персонажем его романов. Дерсу – реально существовавший охотник, по национальности нанайец (гольд), всю жизнь проживший в тайге

Уссурийского края. Он мог по по пению птиц предсказывать погоду, по следу на земле, по обломанной ветке и множеству других знаков он мог определить рост человека, мог узнать, кто проходил по тропе: охотник или искатель женьшеня. После смерти жены и детей он жил под открытым небом, только зимой поселяясь в небольшие охотничьи зимовья. Дерсу вел размеренную и спокойную жизнь в гармонии с природой, оберегая ее.

С 1902 по 1907 год Дерсу Узала был проводником у В.К. Арсеньева. Как писал автор романов, вместе они прошли многие километры уссурийской тайги, помогали друг другу в пути и стали большими и добрыми друзьями. Дерсу хорошо разбирался в тайге, прокладывал маршруты в непроходимых местах, в критических ситуациях не раз спасая жизнь русского путешественника. После экспедиции 1907 года Арсеньев пригласил полуслепого Дерсу пожить в его доме в Хабаровске, но жизнь в городе для таежного человека Дерсу была в тягость - он скучал по лесу. Весной 1908 года он простился с Арсеньевым и отправился в Приморский край, на свою родину. Дерсу Узала был убит недалеко от железнодорожной станции в поселке Корфовский. Грабители не нашли у Дерсу ценных вещей.

После экспедиции 1908-1910 гг. Арсеньев задумал написать труд под названием «По Уссурийскому краю» в 2 частях: первую собирался написать «исключительно в научно-литературном духе», включив туда «географические описания, статистику, описание самих путешествий, маршруты» и все, «что касается наших инородцев». Вторая часть виделась автору «чисто научной». В результате на материале 1-й части в 1916 были завершены книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», изданные на средства автора во Владивостоке соответственно в 1921 и 1923 [Азадовский 1957].

Путешествуя по Дальнему Востоку, особое внимание Арсеньев уделял жизни и быту местных жителей. Язык, религиозные верования, обычаи, поверья, семейные и хозяйственные уклады аборигенов Приморья и Приамурья – удэгейцев, орочей, нанайцев, были для Арсеньева предметом

серьезного изучения. Им активно изучались быт и жизненное устройство китайцев в Приамурье и Приморье. В.К. Арсеньеву принадлежит ряд ценнейших исследований в области археологии, этнографии и истории («Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901—1911 гг.», «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края», «Лесные люди — удэхейцы», «Сквозь тайгу» и другие) [Азадовский 1957].

Таким образом, романы В.К. Арсеньевым были созданы на основе сохранившихся экспедиционных дневников. Они были написаны в ходе экспедиций по Дальнему Востоку, участником и руководителем которых он был. В романе переданы реальные события, в связи с чем этот материал дает достоверную информацию о языковых особенностях речи участников описанных событий.

2.2 Лексические особенности русско-китайского пиджина в произведениях В.К. Арсеньева

Для исследования лексики пиджина нами был составлен словарь, который позволяет сопоставить лексические единицы, встречающиеся в произведениях В.К. Арсеньева. Следует учитывать, что основу русско-китайского пиджина составляет русский язык, то есть он является языком-лексификатором, из чего следует, что в пиджине в основном используются слова русского языка.

Особенностью пиджина является ограниченность и бедность его словарного состава. Большую часть входящих в него лексем составляют существительные и глаголы, но есть также местоимения, прилагательные, наречия, служебные части речи. Значительная часть полнзначной лексики пиджина характеризуется бытовыми занятиями: *кушай, сиди, работай, дом, еда, хлеб, дрова*, или с торговлей: *купи, магазин, деньги*. Прочие области

человеческой деятельности не находят отображения в ядерной лексике пиджина.

В ходе анализа произведений В.К.Арсеньева мы выделили несколько лексико-сематических групп.

Лексико-сематические группы существительных

1. Названия животных:

а) класс млекопитающих: *зверь, мышь, амба(тигр), изюбр, медведь, белка, чушка, кабан, лошадь, кабарга, барсук, летяга, соболь, крот.*

Я спросил гольда, почему он отпустил летягу. – Ее птица нету.

Мыши нету, его нельзя убей. – отвечал он.

Худо! Наша напрасно сюда ходи. Амба сердится! Это ее место, говорил Дерсу.

Моя слышал, там много: соболь есть, олень тоже есть.

б) класс пернатых: *птица, ворона, чайка, рябчик, утка*

Утка кончай сюда ходи, – сказал Дерсу вслух. Действительно, перелет птиц сразу прекратился.

в) класс рыбы: *рыба, лосось*

Капитан, лосось сегодня найди нету.

Моя хочу сюда юрта ходи, рыба кушай, – отвечал он спокойно.

г) класс насекомых: *жук, муравей.*

Енот ходи, барсук или ворона, ворона нет – мышь ходи, мышь нет – муравей ходи. В тайге много разные люди есть.

Как видно из примеров, в данную группу включены как название животных, так название птиц, рыбы и название насекомых. Поскольку охотники в основном торгуют шкурами, мясом животных, эта лексика оказывается наиболее важной.

2. Названия растений: *дерево, паницуй (женьшень), дуб, брусника*

Моя не могу полезай на дерево, моя старый люди.

Дерсу поднялся и, указав рукой на траву, сказал одно только слово: –

Паницуй (Женьшень).

3. Названия природных явлений и географических объектов: *солнце, луна, звезды, комета, камень, гром, лед, молния, вода, водопад, туман, ветер, дождь, небо, ветер, огонь, река, море, сопка, тайга, город, берег, Владивосток*

*Моя думай, скоро **ветер** кончай.*

***Огонь и вода** также два сильные люди. – **Огонь и вода** пропади – тогда все сразу кончай.*

*Один **сопка** живи не могу – скоро пропади!*

4. Названия людей:

а) по национальности: *гольд, казак, удэхеец, манзы (китаец), японец, кореец, русский*

*Моя **Гольд**, – отвечал он коротка.*

***Манзы** чушку гоняй, – отвечал он.*

*Моя слышал, **русские** хунхузы тоже есть.*

*Посмотри– капитан есть, **казак** есть.*

б) по половому признаку, по степени родства, по социальному статусу: *сын, отец, мать, жена, старик, баба, солдат, капитан, товарищ, дети, родители.*

***Отец, мать** здесь раньше живи.*

*Там, –он указал рукой в лес, – помирай есть моя **жена** и мои **дети**.*

*Погоди. **капитан**, – так худо ходи.*

Как показывает собранный нами материал, в произведениях В.К.Арсеньева все герои, к котором Дерсу Узала обращается - капитан, товарищ, солдат, – мужского рода.

5. Название жилищ: *изба, амбар, фанза, бивак, юрта, палатка,*

*Тут раньше моя живи, раньше здесь **юрта** и **амбар**.*

***Фанза** близко – сказал Дерсу.*

*Наша надо **бивак** делай.*

6. Название частей тела: *голова, нога, глаза*

*Медведь кушай рыбу, – отвечал он, – **голова** бросай.*

*Как тебе понимай нету? **Глаза** есть. Посмотри сам!*

*Маленькая **нога**; такой у русских нету, у китайцев нету, у корейцев нету.*

7. Название еды: *мед, мясо, рис*

*Сегодня наша **мясо** кушай.*

*Какой-то худой люди ходи, **мед** кради.*

8. Название водного транспорта: *корабль, лодка*

*Лед скоро **лодка** ломай! закричал Дерсу не своим голосом.*

9. Обозначение профессий и сфер деятельности: *охота, работа.*

*Моя не могу сегодня **охота** ходи.*

*Люди понимай нету, наша надо сам **работай**.*

В речи Дерсу Узала присутствуют отдельные лексические единицы, выражающие абстрактные понятия, например: *песня, след, война.*

*Моя **песня** не понимай.*

Посмотри, капитан, это амба. Его сзади наши ходи. Это шибко худо.

***След** совсем свежий. Его сейчас тут был...*

Кроме того, есть еще одна группа, объединяющая бытовую лексику: *дрова, спички, ящик, дырка, пуля, рубашка, бутылка, труба.* Большинство этих существительных тесно связано с таежной жизнью Дерсу Узала, отражают его восприятие окружающего мира, его отношение к природе, к человеку, к животным.

*Я спросил его, для кого он оставил рис, соль и спички. Какой-нибудь другой люди, – отвечал Дерсу, – Балаган найди, сухие **дрова** найди, **спички** найди, кушай найди – пропади нету!*

*Моя раньше хорошо стреляй, – отвечал он. Никогда **пуля** мимо ходи нету. Теперь мало-мало плохо.*

*– Как можно её бросай? Где в тайге другую **бутылку** найди? – воскликнул он.*

*Его близко тут прятался, – Его долго тут стоял, когда наша там остановился, моя **труба** искал. – Сказал Дерсу, указав рукой в правую*

сторону.

Лексико-семантические группы глаголов

1. Глаголы движения: *ходить, летать, бегать, уезжать, гонять, улетать, догонять*

*Моя тогда прямо **ходи**.*

*Капитан, тебе **ходи**, моя **догоняй**.*

2. Глаголы, выражающие эмоции: *кричать, смеяться, реветь, плакать, ругаться*

*Он вскочил и вылил горячую воду на землю. – Вода, – Ему могу **кричи**, могу **плакать**, могу тоже **играй**.*

3. Модальные глаголы: *хотеть, мочь*

*Капитан, моя **хочу** сказать.*

*Моя совсем не **могу** в городе жить.*

4. Глаголы, обозначающие состояние человека: *спать, жить, сидеть, играть, кушать, работать, стоять*

*Дождь скоро – его тогда тихонько **сиди**, все равно **спи**.*

*Птица туда-суда **ходи**, **играй**, **кушай**.*

*Надо наша скоро **работай**.*

5. Глаголы, обозначающие действия: *стрелять, убивать, делать, красть, ждать, класть, пропадать, обманывать, резать, бросать, ломать, помогать:*

***Стреляй** не надо! Моя люди! – слышался из темноты голос, и через несколько минут к нашему огню подошел человек.*

*Огонь **клади**, **палатка** **делай**.*

*Моя хорошо **понимай**, тебе **убей** **хочу**.*

*Скоро ветер лодка **ломай**!*

6. Глаголы речи: *говорить, сказать*

*Капитан теперь я буду **говори**. – сказал Дерсу.*

*Моя его **сказал**, наша одну только ночь здесь **спи** и завтра **ходи** дальше.*

7. Глаголы мыслительной деятельности: *думать, знать, понимать, считать*

Моя думай, – сказал он, поглядывая на небо, – ночью тепло будет, завтра вечером – дождь...

*Моя хорошо **понимай**.*

8. Глаголы восприятие посредством органов чувств: *слушать, смотреть, видеть, слышать*

*Тебе сам **посмотри**, – ответил гольд.*

*Хорошо **слушай!** Тебе надо **слушай** и работай.*

***Видишь**, дождь кончай.*

9. Глаголы со значением внутреннего состояния: *бояться, пугать, смеяться, плакать, ругаться, мешать, сердиться.*

*Хорошо, хорошо, амба! Не надо **сердиться!** Не надо! Моя теперь **шибко боится** – Дерсу обратился к тигру.*

*Его тоже могу **плакать**.*

*Капитан! **Смеяться** не надо.*

*Моя **ругается**, – отвечал он.*

10. Глаголы со значением приобретения чего-либо: *получить, найти, искать, купить*

*Балаган **найди**, дрова **найди**, спички **найди**, кушай **найди**– пропади нету.*

*Это люди в городе живи. Олень **искай** не надо, кушай хочу – **купи**.*

11. Глаголы со значением времени: *кончать, начинать*

*Дождь **кончай**.*

*Будет агды(гром), сказал Дерсу. – постоянно постоянно так **начинай**. Часа в два дня с запада донеслись глухие раскаты грома.*

Большинство из этих глаголов в пиджине обозначают виды человеческой деятельности, движения, состояние, а также чувств, речи и мысли. Данные глаголы необходимы для передачи самых простейших и необходимых человеческие действий. Речевой репертуар главного героя

произведений А.К.Арсеньева содержит минимальные набор глагольных словоформ, необходимых для общения.

Лексико-семантические группы прилагательных

1. По размеру: *маленькая, большой*

Маленькая птица туда-суда ходи, играй, кушай.

*Кабаны! – воскликнул я. – Одни люди шибко **большой**, – тихонько проговорил Дерсу.*

2. Имеющие оценочное значение: *худой, смирный, вредный, хитрый, главный, плохой, счастливый*

Чайник запел тоненьким голоском. – Как его кричи! – сказал Дерсу.

*– **Худой** люди! – Он вскочил и выли горячую воду на землю.*

*Его шибко **хитрый** люди. Постоянно так обмани, – сказал он.*

*шибко жалко старика, Его был **смирный** люди.*

*Его самый **главный** люди, – ответил мне Дерсу, указывая на солнце.*

Его пропади – кругом все пропади.

***Вредный** люди, – говорил он, – моя такой не хочу посмотри!*

3. По возрасту: *старый*

*Его **старый** люди, – говорил Дерсу.*

Следует отметить, что в ходе исследования нами было обнаружено лишь 8 прилагательных. Прилагательные в речи персонажа либо характеризуют предмет по размеру, либо обозначают качество человека, но прежде всего прилагательные сочетаются со словом «люди».

Лексико-семантические группы наречий

Почти все наречия в собранном материале можно отнести к группе с общим значением «временной признак»: *завтра, вчера, раньше, ночью, скоро, недавно, всегда, теперь, никогда, постоянно* и т.п. Меньшую группу представляют наречия с пространственными признаками: *назад, внизу*. Также были обнаружены и наречия с модальным значением: *хорошо, надо, можно*.

***Завтра** моя прямо ходи. – Он указал рукой на восток.*

*Один китайский люди три дня **назад** ходи.*

Теперь надо хорошо смотри. – обратил ко мне Дерсу.

Лексико-семантические группы местоимений

В русско-китайском пиджине существует только один вид местоимений (притяжательные местоимения): *наша, ваша, моя, его, твоя*, которые выполняют функцию личных местоимений, указывающих на определенное лицо: *мы, вы, он, ты*.

Моя раньше такие люди, – он показал на жука.

Его пришел узнать, люди есть или нет.

Лексико-семантические группы служебных частей речи.

В собранном материале нами материале присутствуют предлоги и частицы. Чаще всего в пиджине употребляются непроезводные предлоги со значением пространства: *на, в, у, к, с, из, по*. Эти служебные части речи употребляются персонажем грамматически корректно. Однако нельзя не предположить, что вряд ли это связано с осознанным употреблением грамматической формы слова. Скорее это следствие неточной записи словоформы, которая, возможно, производилась В.К.Арсеньева по памяти.

1) Употребление предлога «на»:

На биваке много солдат есть. («На биваке много солдат есть»)

Ты куда? – На охоту, – отвечал он.

Моя можно *на* улице спи. («Мне можно на улице спать»)

Тогда его *на* землю прыгай. («Тогда он на землю прыгает»)

2) Употребление предлога «в»:

Моя совсем не могу *в* городе жить. («Я совсем не могу в городе жить»)

В огонь мясо бросай. («В огонь мясо бросаем»)

В тайге много разных люди есть. («В тайге много разных людей есть»)

Всегда *в* его рубашке дырку делай. («Всегда в его рубашке дырку делаю»)

3) Употребление предлога «у»:

У него дети много. («У него детей много»)

Маленькая нога; такой *у* русских нету, *у* китайцев нету, *у* корейцев

нету. («Такой у русских нет, у русских нет, у китайцев нет, у корейцев нет»)

4) Употребление предлога «к»:

Сколько раз к морю ходи. («Сколько раз к морю ходишь»)

5) Употребление предлога «с»:

С кем говори? – спросил он. («С кем говоришь?»)

С такой собакой ходи – скоро пропади. («С такой собакой ходишь, скоро пропадешь»)

Тебе вместе с людьми ходи не могу. («Ты вместе с людьми ходить не можешь»)

6) Употребление предлога «из»:

Наша прогнал черта из юрты. («Мы прогнали черта из юрты»)

7) Употребление предлога «по»:

Один-один по берегу ходи. («Один-один по берегу ходишь»)

Его постоянно по небу ходи. («Он постоянно по небу ходишь»)

Частицы: *не, нету*(выступают как показатель отрицания)

1) Употребление частицы «не»:

Другой раз тут моя спи не хочу. («Другой раз я тут не хочу спать»)

Тебе ходи не хочу. («Ты ходить не хочешь»)

Теперь его кричи не могу. («Теперь он кричить не может»)

2) Употребление частицы «нету»:

Другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету. (« у меня нет другой работы, ловить рыбу тоже не понимаю»)

Люди близко ходи нету. («Человек не подошел к нам ближе»)

Капитан, тебе понимай нету! («Капитан, ты не понимаешь!»)

В пиджине показатель отрицания *не/нету* восходит к русскому показателю отсутствия. Лексическое значение этого показателя, сходное с его значением в русском языке: «нет, не имеется». Особенностью данной конструкции является то, что при использовании частицы *нету*, она всегда находится в конце предложения после глагола. По мнению Е. В.Перехвальской, данную особенность русско-китайского пиджина можно

объяснить лишь влиянием контактировавших с русским языком языков алтайской (или уральской) семьи [Перехвальская 2006а:18]

В дальневосточном пиджине есть и такие лексические единицы, которых нет в русском языке. Данные лексические единицы заимствованы из языка-субстрата (например, из языка аборигенов- нанайцев, удэгейцев, и др.), т.е. это слова из лексики родного языка аборигенов, но пишутся они на русском языке. Данная группа лексики имеет достаточно яркую национальную специфику; в книгах В.К Арсеньева большинству из них даются объяснения.

1. **Амба** - «тигр» [Арсеньев 1987: с.126]. Это слово часто встречается в нашем материале (12 примеров, см. Приложение)

*Амба, амба! – испуганно закричал он, – амба совсем наша бивак ходи!
Один собака таскай.*

*Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки, моя теперь не боится,
другой раз смотри – стреляй.*

*Это амба, – ответил он мне шепотом. – Его шибко хитрый. Его
постоянно так изюбра обмани. Амба скоро поймай есть.*

*Теперь надо хорошо смотри. Тихонько надо ходить, торопиться не
надо. Это – амба. Твоя понимай- амба!...*

2. **Каза** - «чайка» [Арсеньев 1987: с.149].

Каза, каза! – закричал он вдруг, указывая на белую птицу.

3. **Уикта** - «Полярная Звезда» [Арсеньев 1987: с.78].

Посмотри, капитан! Это маленькая уикта.

4. **Ханяла** - «душа, тень» [Арсеньев 1987: с.271].

*Люди спи, - говорил Дерсу. - ханяла ходи; ханяла назад ходи - люди про-
снулся. С точки зрения Дерсу, душа оставляет тело, странствует и многое
видит в то время, люди проснулся.*

5. **Фанза** – «китайский сельский дом» [Перехвальская 2008: с. 236]

Кто построил фанза так близко от реки.

Капитан, сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.

Теперь надо в фанза ходи.

6. **Карабчи**- «украл» [Арсеньев 1971: с.272]

– Тебе какой люди, тебе как чужой мед карабчи!

7. **Панцууй** – «женьшень» [Арсеньев 1987: с. 273]

Моя шибко хочу панцууй тебе подарить.

Дерсу поднялся и, указав рукой на траву, сказал одно только слово: – Панцууй.

8. **Манзы** – «китайцы, имевшие оседлость в пределах Уссурийского края и Приморской области» [Кириллов 1894: с.238]

Манзы чушка гоняй, – отвечал он. – Погоди. капитан, – так худо ходи, Манзы могу стреляй. Его думай, Наша чушка есть. Я начал понимать. Китаец принимал нас за диких свиней и действительно мог выстрелить из ружья.

9. **Агды** – «гром» [Арсеньев 1984: с.168]

Будет агды (гром), сказал Дерсу, – постоянно так начинай. Часа в два дня с запада донеслись глухие раскаты грома.

10. **Хунхузы** – «Краснобородые - разбойники из китайских ссыльных и беглых солдат в пограничной с Южно-Уссурийским краем местности» [Павлеников 1907:232]

Моя слышал, русские хунхузы тоже есть. – говорил Дерсу.

Как это? У китайцев тоже так: цари есть, и хунхузы есть.

В речи Дерсу Узала присутствуют также лексемы русского языка, используемые в особом значении:

1. **Капитан** – «господин (вежливое обращение к мужчине)» [Перехвальская 2008: с. 322]. (ср.: в Словаре русского языка *капитан* – «офицерское звание в армии и военно-морском флоте» [Новый словарь иностранных слов 2009])

Мы определили слово «*капитан*» как единицу пиджина. Поскольку В. К. Арсеньев был в звании подпоручика, а не капитана. А Дерсу обращается к нему при помощи слова «капитан». Данная лексическая единица частотна в

речи Дерсу Узала (16 примеров, см. Приложение).

Капитан, сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.

Не надо, не надо капитан! – говорил он испуганно и торопливо.

Ничего капитан, около моря всегда можно найти кушать.

Погоди, капитан, – после этого он продолжал рассказывать про свою жизнь.

Так же стоит отметить лексическую единицу пиджина, которая имела широкую вариацию значения, в зависимости от контекста. Существительное *люди* имело следующие значения:

1. человек: *Шибко жалко старика. Его был смирный люди.* (тихий был человек).

2. люди (множ.): *Нельзя, — возразил Дерсу. ... Надо кругом люди давай.* (имеется в виду – всем людям давать)

3. народ (собирает.): *какой люди ходи.*

Отдельные лексические единицы пиджина обладают предельно широким значением, которое, в свою очередь, уточняется с опорой на контекст. Например, существительное *люди* (зафиксировано в 7-ми случаях) обладает в пиджине следующими значениями:

1. человек;
2. люди (множ.);
3. народ (собирает.);
4. любое живое существо;
5. предмет или явление.

Эта же лексема входит в состав сложного вопросительного слова *какой люди? ‘кто?’*.

Мы обратили внимание на интересный факт: в речи Дерсу Узала используется описательное словосочетание вместо слова, которое ему было неизвестно: *грязная вода*.

Что ты потерял? – Грязную воду. – Ответил Дерсу сконфуженно. «В лексиконе его не было слова «чернила», – пишет В. К. Арсеньев.

2.3 Грамматические особенности русско-китайского пиджина в произведениях В.К. Арсеньева

В произведениях В.К. Арсеньева «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу», «По Уссурийскому краю» есть много цитат использования русского-китайского пиджина, так как в романах описывается общение путешественника с местными жителями тех территорий, по которым он совершал поездки. Грамматические особенности русско-китайского пиджина, отраженного В.К.Арсеньевым в речи нанайца Дерсу Узала, отличают этот пиджин от настоящего русского языка.

Рассмотрим грамматические особенности на примере 3-х частей речи: существительных, глаголов и местоимений. Таких примеров в проанализированном нами материале: существительные составляют 61% (95 единиц), глаголы - 36% (56), местоимения - 3% (5).

2.3.1 Существительные в пиджине

Характерной особенностью русского пиджина является неизменяемость имени существительного, то есть в имени существительном, как правило, отсутствует склонения (не изменяется по падежам, по числам) и используется только в одной форме именительного падежа. Кроме того, грамматическое значение существительного можно узнать только из контекста. Форма именительного падежа чаще используется в значении других падежей:

1) Именительный падеж в значении родительного:

*В тайге много разный **люди** есть.* («В тайге много разных людей есть»).

*Там **люди** много, – начал Дерсу. – Китайцы, солдаты...* («Там людей много»).

На следующий день вечером, у костра, я прочитал стрелкам сказку «О рыбаке и рыбке». Дерсу поднялся и сказал: «Верно, такой **баба** много есть». («Верно, таких **баб** есть много»).

В лесу много **дрова** есть, зачем напрасно деньги давай. («В лесу много **дров** есть, для чего напрасно деньги давать »).

В тайге много **разных люди** есть. («В тайге много **разных людей** есть»).

У него **дети** много есть. («У него есть **детей** много»).

В тайге **место** много есть. («В тайге есть много **мест** »).

По нашим наблюдениям, имена существительные часто сочетаются с типичной конструкцией «предикативно-модальное наречие *много* + слово *есть*», в которой в значении родительного падежа используется форма именительного падежа. Среди всех примеров существительных лишь 2 имеют форму, не совпадающую с формой им. п. ед.ч.: в лесу, на тайге. Однако вряд ли это связано с осознанным употреблением грамматической формы слова. Скорее это следствие неточной записи словоформы, которая наверняка производилась В.К.Арсеньева по памяти.

2) Именительный падеж в значении дательного:

Кому ты кричишь, кому говоришь – спросили его стрелки. – **Амба**, – отвечал он («**Амбе**»).

3) Именительный падеж в значении винительного:

Моя хочу один **козуля** убей. («Я хочу одну **козулю** убить»).

Амба совсем наши бивак ходи! Один **собака** таскай! («Амба совсем в наш бивак ходил! Одну **собаку** таскал»).

Такой **амба** можно стреляй, греха нет. («Такую **амбу** можно стрелять, греха нет»).

Амба постоянно так **изюбр** обмани. («Тигр постоянно **изюбра** обманывает»).

Моя хочу **чушка** гоняй, – сказал Дерсу. («Я хочу **чушку** гонять »)

Моя хочу **утка** гоняй. («Я хочу **утку** гонять»).

Палатка делай надо. («Надо палатку делать»).

Примеры показали, что в пиджине, которым пользовался лесник - Дерсу Узала, существительные не изменяются по числам. В частности, словоформа «люди» используется в значении единственного числа.

Например:

*Шибко жалко старика, Его был смиренный **люди**.* («Очень жалко старика, Он был смиренный человек»).

*Его шибко хитрый **люди**.* («Он очень хитрый человек»).

*Сказав это, он закричал (медведю): – Тебе какой **люди**, тебе как чужой мед карабчи.* («Ты такой человек, ты чужой мед украл»).

*«Моя раньше такой **люди**» – он указал на жука.* («Я раньше был такой человек»).

*Думай, какой **люди** далеко сопка ходи?*(«Думаю, какие люди могут далеко пошли в сопки»)

*Ночью какой-то худой **люди** ходи.* («Ночью какой-то плохой человек ходил»).

*«Это самый главный **люди**», – продолжал гольд.* («Это самый главный человек»).

*Моя старый **люди**.* («Я старый человек»).

*Один китайский **люди** три дня назад ходи.* («Один китайский человек три дня назад ходил»).

*Раньше никакой **люди** первый зверя найти не могу.* («Раньше никакой человек первым зверя найти не мог»).

*Он ругал подрядчика, называя его «плохой **люди**».* («Он ругал подрядчика, называя его плохим человеком»).

Мы обратили внимание на то, что прилагательные при словоформе «люди» используются в форме единственного числа: *китайский люди, главный люди, плохой люди, старый люди, вредный люди, хитрый люди.*

2.3.2 Глаголы в пиджине

В русско-китайском пиджине наиболее частотным является употребление глагольных форм императива и вместо других форм глаголов:

1) вместо формы инфинитива:

Моя надо его пугай, убей не хочу. («Мне надо его напугать, убить не хочу»)

Моя можно на улице спи. («Мне можно на улице спать»).

Надо бивак делай. («Надо бивак делать»).

В сопках живи не могу. («В сопках жить не могу»).

2) вместо формы 1-ого лица единственного числа:

Моя хорошо понимай его. (вместо спрягаемой формы 1-го лица в настоящем времени «Я хорошо понимаю его»).

Иногда в речи Дерсу Узала встречаются глагольные формы с показателем *-ла*, (2 примера) но опираясь на вышесказанную специфику формы глагола пиджина, нельзя сказать, что *ла-* это показатель прошедшего времени. Первым на необычный характер данного явления обратил А.Г.Шпринцына, считавший «формат – *ла*... совмещением русского суффикса *-л-* (в китайском произношении *-ла*) с китайским видо-временным показателем *-ла*» [Шпринцын 1968: 94] А.Г. Шпринцын приводит в качестве примера следующие формы: *кончайла*, *берила*, *ломайла*, *хочула* (хотел), *нетула*(не было), которые не смогли быть заимствованными их русского языка, а были составлены уже в самом пиджине по имеющимся моделям. По данной причине трудно определить грамматические значения следующих примеров:

Наша хорошо стреляла.

У него детей очень много, моя считала шесть есть.

Есть еще одно доказательство, что суффикс *ла-* - не показатель прошедшего времени как в русском языке, поскольку в данных примеров он не согласуется с подлежащим.

Кроме того, мы нашли ещё один интересный факт, что форма глагола «могу» представляется в русско-китайском пиджине как неизменяемая форма глагола, она имеет несколько грамматических значений:

1) в значении 1-го лица единственного числа:

Летай не могу. («Не могу летать»).

Моя совсем не могу в городе жить. («Я совсем не могу жить в городе »).

2) в значении 1-го лица множественного числа

Наша так не могу. («Мы так не можем»).

3) в значении 2-го лица единственного числа(1 пример):

Нет, тебе вместе с людьми ходи не могу. («Нет, ты не можешь пойти вместе с людьми»).

4) в значении 3-го лица единственного числа(1 пример):

Теперь его кричи не могу. («Теперь он не может кричать »).

5) в значении 3-го лица множественного числа(2 примера):

Такие люди в сопках живи не могу. («Такие люди в сопках жить не могут»).

Раньше никакой люди первые зверя найти не могу. («Люди найти зверя не могли»).

Глагол *ходить* в русско-китайском пиджине широко используется в форме повелительного наклонения *ходи*. Форма *ходи* встретилась нам 16 раз в трёх дальневосточных произведениях В.К.Арсеньева, в связи с чем можно считать, что этот глагол относится к лексическому ядру русско-китайского пиджина. Мы выделили разные грамматические значения этого глагола:

1) в значение прошедшего времени единственного числа:

Раньше моя постоянно один ходи, ничего бояся нету. («Раньше я постоянно один ходил, ничего не боялся»).

Один китайский люди три назад ходи, наша след найти. («Один китаец три назад ходил, мы его след нашли»).

*Люди совсем недавно **ходи**, моя думай, скоро его догоняй.* («Человек совсем недавно приходил, я думаю, скоро его догоню»).

2) в значении 1 лица множественного числа:

***Наша** внизу **ходи**, как орехи найти* («Если бы мы пошли вниз, мы бы не нашли орехи»).

3) в значении 2 лица единственного числа:

*Я высказал опасение, что он не может нас найти. Гольд громко засмеялся и сказал: – Тебе земля **ходи**, нога топчи, след делай, моя глаза есть – посмотри* (то есть его способность разбираться в следах).

*Тебе сопка один **ходи** – моя шибко боится.* («Я боюсь, что ты один пойдёшь в сопку»).

4) в значении 3 лица единственного числа:

*Енот **ходи**, барсук или ворона, ворона нет – мышь **ходи**, мышь нет – муравей **ходи**.* В тайге много разные люди есть. («Енот ходит, барсук или ворона, вороны нет, мышь ходит, мыши нет, муравей ходит»).

*Его так сам постоянно по небу **ходи**, людям никогда мешай нету.* («Он<воробей> постоянно по небу летает, людям никогда не мешает»).

Нельзя не подчеркнуть, что глагол *ходи* является наиболее яркой речевой особенностью речи Дерсу Узала. Этот глагол имеет много значений (ходить, приходить, пойти, летать, ездить и т.п). В связи с тем, что количество лексических единиц в пиджине ограничено, необходимо одно и то же слово для выражения нескольких значений, причём смысл его только можно понять только из контекста.

Кроме того, в русско-китайском пиджине широко употребляется ещё одна конструкция (модальное наречие *надо* + повелительное наклонение).

Например:

*Тебе **сердись** не **надо**.* («Тебе сердиться не надо»).

*Воду тоже **надо** купи.* («Воду тоже надо купить»).

***Надо** бивак делай.* («надо бивак делай»).

2.3.3 Местоимения в пиджине

Для русско-китайского пиджина характерно особое использование притяжательных местоимений. В собранном нами материале 25 таких примеров (см. Приложение) Мы выделили следующие группы:

- 1) Притяжательное местоимение «моя» в значении личного местоимения «я»:

Моя хорошо понимай его – он указал на миноносец. («Я хорошо понимаю его»)

Моя совсем не может в городе. («Я совсем не могу жить в городе»)

К китайцам ходи не хочу, ее работа моя понимай нету. («К китайцам ходить не хочу, я их работу не понимаю»)

- 2) Притяжательное местоимение «наша» в значении личного местоимения «мы»:

Зачем бросай мясо в огонь? Наша завтра ехали, сюда другая люди ходи кушай. («Зачем бросать мясо в огонь? Мы завтра уедем, сюда другие люди придут кушать»)

Рыба тоже люди, только наша его понимай нету. («Рыба тоже человек, только мы не понимаем его»)

- 3) Притяжательное местоимение «его» в значении личного местоимения «он»:

Его близко тут прятался, – его долго тут стоял. («Он близко тут прятался, он долго тут стоял»)

Его хорошо тут живи. («Он хорошо тут живет»)

- 3) Притяжательное местоимение «ваша» в значении личного местоимения «вы»:

Чего ваша смеется? – посмотрел на солдат Дерсу, и сердился. – Плакать скоро будете. («Что вы смеетесь?»)

Как *ваша* понимай нету? Посмотри сам! («Вы не понимаете? Посмотри сам!»)

5) Личное местоимение «тебе» или «твоя» в значении личного местоимения в форме именительного падежа «ты».

Это – амба. Твоя понимай – амба!... (это тигр, ты понимаешь? – тигр!)

Тебе понимай нету, – отвечал он, Надо ходи посмотри. («ты не понимаешь, надо пойти посмотреть»)

Тебе сам посмотри, – ответил гольд. (Ты сам посмотри)

Можно сказать, что в русско-китайском пиджине сложилась особая система неизменяемых имён-местоимений: *моя, твоя, ваша, его, тебе*. У этих местоимений произошла полная утрата словоизменительной морфологии и отсутствуют категории падежа, рода, числа.

Мы разделяем точку зрения С. Врубеля, согласно которой китайцы общались, главным образом, с женщинами: «Как известно, в русской семье женщина занимается домашним хозяйством, и ей в своих хозяйственных потребностях приходилось иметь тесное общение с китайцами<...> и, обращаясь к нему, она по правилам русского языка, говорила сама, что и было китайцами воспринято» [Врубель 1931: 136].

2.4 Структура простого предложения в русско-китайском пиджине

Прежде всего, отметим, что предложение представляет собой основную синтаксическую единицу, содержащую сообщение, вопрос или побуждение. Основным структурным признаком предложения является наличие грамматической основы, состоящей из главных членов предложения (подлежащего и сказуемого или одного из них). При этом предложение возглавляет финитный глагол (= «главным членом предложения является сказуемое в личной форме»). Кроме глагола-сказуемого в предложении существуют еще аргументы и адьюнкты — такие именные (или предложные)

группы, первые из которых обязательно должны присутствовать в предложении, а вторые – необязательно.

При рассмотрении структуры простого предложения русско-китайского пиджина следует учитывать, что одной из самых характерных черт сибирского пиджина является отсутствие словоизменительной морфологии, что указывает на его аналитический характер. Одновременно с этим, редуцированные варианты пиджина обладают доставшейся им в наследство от «прагматического кода» крайней бедностью служебных частей речи. В этих вариантах отсутствуют такие служебные части речи, как предлоги, послелогои, союзы, артикли, аналитические грамматические показатели.

В подобной ситуации значение актантов рассматривается в соответствии с их семантико-стилистической ролью в предложении. Сравним следующие примеры, которые демонстрируют способы выражения основных семантических ролей:

Агенс (включает в себя значения: активный участник ситуации)

Енот ходи, барсук, а может ворона; ворона нет – *мышь ходи*, мышь нет – *муравей ходи*.

Его пришел смотреть, люди здесь или нет.

Пациенс

Теперь *моя* будет говори («Теперь я буду говорить.»)

Моя всегда охота ходи, другой работа нету, рыба лови понимай также нету, лишь один охота понимай. («Я всегда охочусь, по-другому работать не умею, рыбу ловить не умею, только охотиться умею»). (По Уссурийскому краю)

– Вода, – сказал он. – *Ему* могу кричу, могу плакать, могу также играй. («Вода может кричать, плакать, играть»).

Теперь *моя* 58 лет. («Теперь мне уже 58 лет»).

Место

Амба совсем *наша бивак* ходи! («Тигр совсем по нашему биваку ходит»).

Тебе *сопка* один ходи – моя шибко боится. («Ты в сопку один ходишь – я сильно боюсь»).

Моя *Владивосток* не могу ходи. («Я не могу пойти во Владивосток»).

Моя *назади* были. Как ты понимай, что моя *впереди* ходи. («Я был сзади. Откуда тебе знать, что я вперед ушел»).

Как можно люди *в ящике* сидеть? – («Как могут люди в ящике сидеть»).

Инструмент

– Теперь моя всегда его *берестой* пали. («Теперь я всегда их (гнездо шершней) берестой поджигая»).

Время

Завтра моя прямо ходи. *Четыре солнца* ходи, Даубихе найди есть... («Завтра я пойду прямо. В четырех днях пути находится Даубихе»).

Зимой ночью кабаны ходи не хочу. («Зимой ночью не хочу охотиться за кабанам»).)

Из приведенных примеров можем сделать вывод, что зачастую в русско-китайском пиджине аргументы выражаются однотипно: посредством именной группы, состоящей из существительного (в том числе существительного-местоимения) или существительного с зависимыми словами. Последние могут быть выражены атрибутом, детерминантом или другим существительным в определительной функции. Особенностью данного пиджина является и отсутствие формального различия между аргументами, не выделяются, в том числе, и главные члены предложения.

Формально семантические роли могут выражаться лишь через порядок слов, но конкретные интерпретации предложений в очень большой степени делается с опорой на контекст. Мы разделяем точку зрения, согласно которой «русско-китайская речь в меньшей степени акцентирует внимание на грамматической стороне языка, поскольку, как уже было сказано, понимание получается из общего контекста. К примеру, «пампушка кушай», здесь при

грамматическом анализе не поймешь, пампушка ли съела или съели пампушку, или приказание, чтобы съели «пампушку» или чтобы «пампушка» ела, а на самом деле «пампушка кушай» обозначает «есть пампушку», «съел пампушку», «буду есть пампушку» или приказ и просьба» [Врубель 1931, 133].

ВЫВОДЫ

Понятие «русско-китайский пиджин» используется в том значении, какое в настоящий момент закрепилось в социолингвистических источниках, а именно - это своего рода контактный язык, возникший там, где активным образом контактировали русские и китайцы. Этот язык обслуживал также контакты с монголами, нанайцами, удэгейцами, корейцами.

Речь проводника-нанайца в дальневосточных романах В.К. Арсеньева, основанных на реальных событиях, служит прекрасным источником для изучения китайского пиджина.

Основу русско-китайского пиджина составляет русская лексика, хотя обращает на себя внимание крайняя скудность словаря и ограниченность сфер коммуникации. Большая часть однозначной лексики оказывается связанной с бытовыми повседневными занятиями Дерсу Узала: стреляй, кушай, работай, фанза, дом, дрова, вода.

Особенностью русско-китайского пиджина является тот факт, что существительные, как правило, не меняются по числам и падежам. Во всех отобранных нами примерах использовалась одна словоформа – форма именительного падежа единственного числа. Также отметим, что существительное «люди» представлено в речи Дерсу Узала всегда формой множественного числа в значении единственного числа.

Наиболее частотной словоформой в пиджине выступает глагольная форма инфинитива вместо других форм глаголов. Необходимо отметить, что глагол «могу» часто используется как неизменяемая форма в разных грамматических значениях, приобретая характер несклоняемости.

Что касается местоимений, то в пиджине употребляются такие притяжательные местоимения, как «моя», «наша», «его», «ваша» вместо личных «я», «мы», «он», «вы». Наряду с этим используются и некоторые формы личных местоимений, наиболее частотны из которых формы местоимений 2 лица единственного числа «тебе».

В русско-китайском пиджине аргументы выражаются однотипно: посредством именной группы, состоящей из существительного (в том числе существительного-местоимения) или существительного с зависимыми словами. Особенностью данного пиджина является и отсутствие формального различия между аргументами, не выделяются, в том числе, и главные члены предложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, российские регионы позднего заселения – Дальний Восток и Забайкалье – характеризуются тесным этнокультурным взаимодействием аборигенного и славянского населения, а также населения соседних государств, в частности народов Китая. Неоднородность этнического состава края качественно отразилось и на языковой ситуации в регионе. Это выразилось в следующем:

1) в существовании регионально окрашенной формы русского языка на протяжении всей истории присутствия русских на востоке России;

2) в бытовании контактного языка, выступающего средством общения между русским и инородческим населением края.

Основную лепту в региональную специфику русского языка на окраинах России, каковой является и Дальний Восток, внесли Китай, китайский народ и его язык.

Региональная окрашенность русского языка дальневосточников обусловлена активизацией заимствований из китайского языка, причем эти заимствования могут быть как неизвестными за пределами дальневосточного региолекта, так и имеющимися в общем фонде национального языка, но находящимися там в пассивном владении.

С одной стороны, русско-китайский пиджин, соответствует всем правилам существования контактного языка такого типа: он имеет социума исконных носителей, обладает упрощенной структурой, используется как минимальное коммуникативное средство в этнически смешанной среде, обслуживая в первую очередь торговые контакты. С другой стороны, русско-

китайский пиджин обладает выраженной спецификой, что обусловлено как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Длительная история существования русско-китайского пиджина в Забайкалье и на Дальнем Востоке носит в основном дискретный характер. Русско-китайский пиджин возникал каждый раз заново при создании благоприятных для появления такой формы речи условий и уходил в небытие при их исчезновении.

Русско-китайский пиджин имеет трехсотлетнюю историю. Он делится на несколько территориально-хронологических вариантов. В нашей работе мы описали русско-китайский пиджин конца XIX – начала XX веков, который отражен в трех произведениях Арсеньева («Дерсу Узала», «По Уссурийскому краю», «Сквозь тайгу»).

Языковой материал позволил нам сделать следующие основные выводы: Особенностью русско-китайского пиджина является тот факт, что существительные не выражает никаких грамматических значений, в том числе категорий числа, падежа, одушевленности. Во всех отобранных нами примерах использовалась одна словоформа – форма именительного падежа единственного числа. Также отметим, что существительное «люди» представлено в речи Дерсу Узала всегда формой множественного числа в значении единственного числа.

Наиболее частотной словоформой в пиджине выступает глагольная форма инфинитива вместо других форм глаголов. Надо отметить, что глагол «могу» часто используется как неизменяемая форма в разных грамматических значениях, приобретая характер несклоняемости.

В пиджине содержатся такие притяжательные местоимения, как «моя», «наша», «его», «ваша» вместо личных «я», «мы», «он», «вы». Наряду с этим используются и некоторые формы личных местоимений, наиболее частотными из которых являются формы местоимений 2 лица единственного числа «тебе».

Основой лексического состава русско-китайского пиджина выступают лексемы русского языка. В данном случае именно русский язык выступает языком-лесификатором. Однако надо отметить ограниченность и скудость словарного состава. Мы выделили слова определенных лексико-семантических групп. И вся обнаруженная лексика тесно связана с таежной жизнью главного героя – Дерсу Узала.

Таким образом, на материале произведений В.К.Арсеньева в данной работе была обоснована гипотеза, согласно которой существует ядро характеристик, маркирующих речь носителя пиджина.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азадовский М.К. В.К. Арсеньев путешественник и писатель // В.К. Арсеньев. Жизн. и приключ. в тайге / М.К. Азадовский. – М.: Географ., 1957. – С. 3-73.
2. Азадовский М.К. Примечан. // В.К. Арсеньев. Жизн. и приключ. в тайге / М.К. Азадовский. – М.: Географ., 1957. – С. 242-283.
3. Аристов Ф.Ф. В.К. Арсеньев, фрагменты из биографии / Ф.Ф. Аристов // Дальний Восток. №9. – 1974. – с. 127-136.
4. Арсеньев В.К. В горах Сихотэ-Алиня / В.К. Арсеньев. – М.: Молодая гвардия, 1937. – 274 с.
5. Арсеньев В.К. В горах Сихотэ-Алиня.// Арсеньев В.К. Полн. собр. соч. в 6 т. Т. 3. – Владивосток: Примиздат, 1947. – 283 с.
6. Арсеньев В.К. В дебрях Уссурийского края / В.К. Арсеньев. – Владивосток: Прим. кн. изд, 1961. – 519 с.
7. Арсеньев В.К. Дерсу Узала.// Арсеньев В.К. Поли. собр. соч. в 6 т. Т. 2. – Владивосток: Примиздат, 1947. – 308 с.
8. Арсеньев В.К. Дерсу Узала: Из воспом. о путешест. по Уссурийск. краю в 1907г. / В.К. Арсеньев. – Владивосток: Свобод. Рос., 1923. – 239 с.
9. Арсеньев В.К. Жизнь и приключения в тайге / Под ред. О.В. Обручева. Примиздат, 1949. 302 с. I.
10. Арсеньев В.К. По Уссурийск. краю (Дерсу Узала). Путешест. в горн. обл. «Сихотэ-Алинь» / В.К. Арсеньев. – Владивосток: «Эхо», 1921. –

295 с.

11. Арсеньев В.К. Лесные люди удэхайцы / В.К. Арсеньев. – Владивосток, 1926. – 48 с.
12. Арсеньев В.К. По Уссурийск. краю. Дерсу Узала / В.К. Арсеньев. – Л.: Лениздат, 1978. – 509 с.
13. Арсеньев В.К. По Уссурийск. краю. Дерсу Узала / В.К. Арсеньев. – Новосибирск: Книж. изд-во, 1994. – 560 с.
14. Аникин А.Е. Этимологич. словарь русск. диалект. Сибири: Заимствован. из уральск., алтайск. и палеоазиатск. языков. – М.-Новосибирск: «Наука», 2000. – 771 с.
15. Беликов В.И. Русск. пиджины // Мал. язык. Евразии: социолингвистич. аспект: сборн. стат. – М.: МГУ, 1997. – С. 89-107.
16. Беликов В.И. Русск. этнолект дальневосточн. пиджина // IV Всесоюзн. конференц. востоковед. «Восток: прошлое и будущ. народа». Тез. докладов и сообщений. Т.1. – М., 1991. – С. 26-29.
17. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М., Издат. РГГУ, 2001. – 440 с.
18. Брок, Ингвиль. Моя-по-твоя. Русско-норвежский язык-пиджин //Оттар. Норвегия и Россия на севере. –1992. – № 192. – С. 24–48.
19. Бурлак С.А. Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2005. – 432 с.
20. Вахтин Н.Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. – СПб., 2004. – 336 с.
21. Виноградов В.А. Пиджины // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов, энциклопедия, 1990.
22. Врубель С.А. Русско-китайск. языков. скрещения // Культур. и письменн. Востока. – М., Изд. ВЦК НА. Книга VII-VIII., 1931. – С. 131-140.
23. Дьячков М. В., Креольские языки, М.: Наука, 1987. – 108 с.
24. Давыдов А.Н., Пономаренко В.Н., Куратова А.А. Руссенорск –

- арктическ. пиджин Европы // Историко-культурн. контакты народ. алтайск. языков. общности. – Т.2.М., 1986. – С. 45-46.
25. Елоева Ф.А., Перехвальская Е.В. К характеристике дальневосточн. контактн. языка // XII Международный конгресс по вопросам алтаистики. – Ташкент, 1987. – с. 123–133.
26. Жао Лянлунь. Очерк истории русских эмигрантов в Харбине в 1917-1931 г. // Северные культурные ценности. – № 1. – 2000. – С. 81-86.
27. Жданова Н.А. Русско-китайск. пиджин Забайкалья среди др. форм современн. контактн. языков // Вестник Бурятского государственного университета, – № 10. – 2014. – С. 84-88.
28. Коровушкин В.П. Категориально-понятийная контрастивной социалектологии как автономной отрасли языкознания // Вестник Череповецкого государственного университета. № 2. – 2008. – С. 74–86.
29. Крылова И.А. Синергетический подход к изучению пиджинов и креолов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №67. – 2008. – С. 131–137.
30. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. № 5. – Сеул, 2000. – С. 63-91.
31. Мечковская Н.Б. Социальная Лингвистика (2 изд.). – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 208 с.
32. Оглезнева Е.А. Русско-китайск. пиджин, опыт социолингвистическ. описания. – Благовещенск: АмГУ, 2007г. – 264 с.
33. Оглезнева Е.А. Русско-китайск. взаимодействие на дальневосточн. территор. России: историко-лингвистическ. очерк // Слово: Фольклорно-диалектологическ. альманах. Материалы научн. экспедиций. Вып.8. – Благовещенск: АмГУ, 2010. – С. 6-11.
34. Перехвальская Е.В. Говорка – упрощение или усложнение? Типолог. языка и теор. грамматики: матер. Междунар. конфер., посвящ. – СПб.: Нестор-История, 2007. – С. 162–165.
35. Первашова О.В. Британский и американск. стандартные варианты

- английск. языка в современн. мировом англоязычн. континууме // Вестник харьковского национального автомобильно-дорожного университета. – 2005. – № 31. – С. 16–21. Паршин Н.В. Поездка в забайкальский край. – М., 1844. – С.142.
36. Перехвальская Е.В. Русские пиджины / Е.В Перехвальская – СПб.: Алетейя, 2008 – 363 с.
 37. Перехвальская Е.В. Сибирский пиджин (дальневосточн. вар.): диссер. ... д-ра филолог. наук. – СПб., 2006а. – 31 с.
 38. Перехвальская Е.В. Части речи в русских пиджинах // Вопросы языкознания. № 4. – 2006. – С. 7-26.
 39. Перехвальская Е.В. Словарь Сибирского пиджина. URL: <http://www.genlingnw.ru/Staff/Perehvalskaya/Slovar.pdf>.
 40. Пиотровский Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 207 с.
 41. Соколовская О. Исследование контактов китайского и русского языков. Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2012. 188 с.
 42. Харбинский русско-китайск. пиджин перв. полов. XX века и его влияние на русск. и китайск. языки и культуры. Ма На // Нанкинский университет (Китайская Народная Республика)
 43. Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: Лекц. и стат. – М.: Яз. русск. культ., 2000. – 639 с.
 44. Хелимский Е.А. «Русский говорка место казать будем» (таймырск. пиджин) // Историко-культурн. контакт. народов алтайск. языков. общности. Т.2. – М., 1986.
 45. Шпринцин А. Г. Архивн. материалы 1928-1938 годов по «русско-китайск. диалекту»: Госуд. публич. библ. им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукопис., ф. 1200.
 46. Шпринцин А.Г. О заимствован. китайск. речи русск. лексики // Страны и нар. Вост. – Вып. XIII, кн. 2. М., 1972.
 47. Шпринцын А.Г. О русско-китайск. диалекте на Дальн. Вост. // Страны

- и нар. Вост. – Вып. IV. 1968. – С. 86-100.
48. Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурск. препиджин. Опыт социоллингвистч. исследований. // Вопр. языкозн. №2. – 2007. – С. 67-72.
 49. Ли Жун, Инь Шичао. Словарь харбинского диалекта. Нанкин: Цзянсуское образовательное издательство, 1997. – 492 с.
 50. Arends 1995: Arends J. Demographic factors in the formation of Sranan// Jacques Arends (Ed.). The Early stages of creolization. Amsterdam-Philadelphia, pp. 233-285.
 51. DeGraff 1999: DeGraff M. (Ed.) Language creation and language change, Cambridge, Mass.
 52. Кнапик А. On the Origins of Pidgin and Creole Languages // Styles of Communication. № 1. – 2009. – P. 1-5. 53. Holm 1988: Holm J. pidgins and creoles. V. I-II. Cambridge.
 53. Hymes 1971: Hymes D. (ed.) Pidginization and creolization of languages, Cambridge.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА РУССКО-КИТАЙСКОГО ПИДЖИНА

Ниже приводятся 20 слов, которые, по-видимому, составляют лексическое ядро русско-китайского пиджина. Каждое из этих слов засвидетельствовано в трёх произведениях В.К.Арсеньва. Слова даны в порядке убывания частотности.

Существительные

1. Капитан(16 примеров)

- 1) *Посмотри, капитан!*
- 2) *Капитан! Теперь моя буду говори.*
- 3) *Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки.*
- 4) *Капитан, сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.*
- 5) *Не надо, не надо капитан! – говорил он испуганно и торопливо.*
- 6) *Ничего капитан, около моря всегда можно найти кушать.*
- 7) *Погоди, капитан, – после этого он продолжал рассказывать про свою жизнь.*
- 8) *Ничего, капитан, твоя можно спи, моя сам говори.*
- 9) *Ничего, капитан, моя можно на улице спи.*
- 10) *Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки.*

- 11) Капитан, сегодня наша фанза найди нету.
- 12) Смотри, капитан! – Я оглянулся и увидел миноносец «Грозный», выходящий из-за мыса.
- 13) Спасибо, капитан, шибко спасибо – сказал он.
- 14) Ничего, капитан, эти люди холода не бойся.
- 15) Ничего, ничего, капитан, – отвечал мне Дерсу.
- 16) Не надо торопиться, капитан, – сказал мне Дерсу.

2. Люди(16)

- 1) В тайге много разный люди есть.
- 2) Там люди много, – начал Дерсу. – Китайцы, солдаты...
- 3) шибко жалко старика, Его был смирный люди.
- 4) Его шибко хитрый люди.
- 5) Сказав это, он закричал (медведю): – Тебе какой люди, тебе как чужой мед карабчи.
- 6) «Моя раньше такой люди» – он указал на жука. Рыба тоже люди, его тоже могут говорить.
- 7) Думай, какой люди далеко сопка ходи?
- 8) Ночью какой-то худой люди ходи.
- 9) «Это самый главный люди», – продолжал гольд.
- 10) Моя старый люди.
- 11) Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй.
- 12) Один китайский люди три дня назад ходи.
- 13) Раньше никакой люди первый зверя найти не могу.
- 14) Он ругал подрядчика, называя его «плохой люди».
- 15) Один люди кушай – грех.
- 16) Люди совсем недавно ходи, моя думай, скоро его догоняй.

3. Амба(12)

- 1) Амба, амба! – испуганно закричал он, – амба совсем наша бивак ходи!

Один собака таскай.

- 2) *Такой амба можно стреляй, грех нет, – закончил он длинную речь.*
- 3) *Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки, моя теперь не боится, другой раз смотри – стреляй.*
- 4) *Кому ты кричишь, с кем говоришь ? – спросили его стрелкт. – Амба, – отвечал он.*
- 5) *Это амба, – ответил он мне шепотом. – Его шибко хитрый. Его постоянно так изюбра обмани. Амба скоро поймай есть.*
- 6) *Теперь надо хорошо смотри. Тихонько надо ходить, торопиться не надо. Это – амба. Твоя понимай- амба!...*
- 7) *Амба! – сказал он испуганным голосом.*
- 8) *Амба сердиться! Это его место, – говорил Дерсу.*
- 9) *Хорошо, хорошо, амба! Не надо сердиться! Это его место, – говорил Дерсу.*
- 10) *Стреляй амба никогда не буду!*
- 11) *Моя много амба посмотри. Наша так говори, такой люди, который никогда амба посмотри нету, – счастливый.*

4. Сопка(6)

- 1) *Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи.*
- 2) *Думай, какой люди далеко сопках ходи?*
- 3) *Одни сопка живи не могу – скоро пропади.*
- 4) *Тебе сопка один ходи – моя шибко боится.*
- 5) *Как тебе столько лет в сопках ходи, понимай нету?*
- 6) *Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй.*

5. Фанза(6)

- 1) *Это китайский фанза- говорил Дерсу.*
- 2) *Наша в фанза сти.*
- 3) *Сегодня наша фанза найди нету.*
- 4) *Кто построил фанза так близко от реки.*
- 5) *Теперь надо в фанза ходи.*

6) *Ваша хочу тут спи, а моя хочу фанза ходи.*

7) *Фанза близко,- сказал гольд.*

6. Рыба(5)

1) *Медведь кушай рыбу, голова бросай.*

2) *Моя хочу юрта ходи, рыба кушай.*

3) *Рыба тоже люди, только наша его понимай нету.*

4) *Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи.*

5) *Моя рыба найти.*

Глаголы

7. Ходи(16)

1) *Раньше моя постоянно один ходи, ничего бояся нету. (Раньше я постоянно один ходил, ничего не боялся).*

2) *Один китайский люди три назад ходи, наша след найти. (Китайцы три назад ходили, мы их след нашли).*

3) *Ночью какой-то худой люди ходи. (Ночью какой-то плохой человек к нам приходил).*

4) *Люди совсем недавно ходи, моя думай, скоро его догоняй. (Человек совсем недавно приходил, я думаю, что скоро его догоним).*

5) *Когда я читал стрелкам «О рыбаке и рыбке», Дерсу поднялся и сказал – шибко жалко старика. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи. (Сколько раз к морю ходил, рыбе кричал).*

6) *Наша внизу ходи, как орехи найти (Если бы мы пошли вниз, мы бы не нашли орехи).*

7) *Я высказал опасение, что он не может нас найти. Гольд громко засмеялся и сказал: – Тебе земля ходи, нога топчи, след делай, моя глаза есть – посмотри (то есть его способность разбираться в следах).*

8) *С такой собакой в компании ходи – скоро пропади. (С такой собакой пойти нельзя – сразу он пропадет).*

9) *Как тебе столько лет в сопках ходи, понимай нету? (Сколько лет ты по сопке идёшь, не понимаешь?)*

10) Тебе сопка один ходи – моя шибко боится. (Я боюсь, что ты один пойдёшь в сопку).

11) Енот ходи, барсук или ворона, ворона нет – мышь ходи, мышь нет – муравей ходи. В тайге много разные люди есть. (Енот ходит, барсук или ворона, вороны нет, мышь ходит, мыши нет, муравей ходит).

12) Его так сам постоянно по небу ходи, людям никогда мешай нету. (Он<воробей> постоянно по небу летает, людям никогда не мешает).

13) Еще два люди ходи, - сказал он. (Еще два человека приходили).

14) Его далеко ходи нету. (Он еще не далеко отошел).

15) Надо назад ходи. (Надо идти назад).

16) Моя сегодня не могу охота ходи. (Я сегодня не могу охотиться).

8. Могу(8)

1) Летай не могу. (Не могу летать).

2) Нет, моя не могу. (Нет, я не могу).

3) Моя совсем не могу в городе жить. (Я совсем не могу жить в городе).

4) Наша так не могу. (Мы так не можем).

5) Нет, тебе вместе с людьми ходи не могу. (Нет, ты не можешь пойти вместе с людьми).

6) Теперь его кричи не могу. (Теперь он не может кричать).

7) Такие люди в сопках живи не могу. (Такие люди в сопках жить не могут).

8) Раньше никакой люди первые зверя найти не могу. (Раньше люди найти зверя не могли).

9. Стреляй(8)

1) Капитан, стреляй не надо. (Капитан, не надо стрелять).

2) Моя стреляй не хочу. (Я не хочу стрелять).

3) Такой амба можно стреляй, греха нет. (Можно стрелять такую амбу-греха нет).

4) Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй. (Человек должен постоянно сходить на сопку, для того чтобы стрелять).

5) Один раз моя напрасно его стреляй. (Один раз я напрасно его стрелял).

- 6) *Моя раньше хорошо стреляй.* (Я раньше умел хорошо стрелять.)
- 7) *Манзы могу стреляй.* (Китайцы могут нас стрелять).
- 8) *Никто крот не хочу стреляй.* (Никто не хочет крота стрелять).

10. Кушай(9)

- 1) *Один люди кушай- это грех.* (Одному человеку кушать- это грех)
- 2) *Моя кушай не хочу.* (Я не хочу кушать).
- 3) *Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.* (Я очень хочу кушать, я сегодня ничего не кушал).
- 4) *Маленький птица туда-суда ходи, кушай.* (Маленькие птицы туда-суда летает, кушает).
- 5) *В тайге можно найти кушай.* (В тайге всегда можно что-нибудь найти кушать).
- 6) *Никто крот не хочу кушай.* (Никто не хочет кушать крота).
- 7) *Олень искай не надо, кушай хочу- купи.* (Не надо искать оленей, если хочешь, купи).
- 8) *Что ты нашел?- спросил его Г.И.Гранатман. Медведь кушай рыбу, голова бросай.* (Медведь покушал рыбу и бросил голову рыбы).
- 9) *Его худо кушай, мясо пахнет.* (Худо кушать кабану с клыками).

11. Думай(8)

- 1) *Моя думай, скоро его догоняй.* (Я думаю, что мы скоро его догоним).
- 2) *Моя думай, тут чёрт живи.* (Я думаю, что тут живет чёрт).
- 3) *Моя думай, это дым.* (Я думаю, что это дым).
- 4) *Моя раньше так думай.* (Я раньше так думал).
- 5) *Моя думай, это худые люли.* (Я думаю, что это худой человек к нам приходил).
- 6) *Моя думай, здесь надо ночевать.* (Моя думай, надо здесь ночевать).
- 7) *Моя думай, его обмани хочу.* (Я думаю, что он хочет обмануть нас).
- 8) *Манзы думай, наша чушка есть.* (Китайцы принимали нас за диких свиней).

12. Понимай(6)

- 1) *Это – амба. Твоя понимай – амба!... (это тигр, ты понимаешь? – тигр!)*
- 2) *Тебе понимай нету, – отвечал он. (Ты не понимаешь.)*
- 3) *Рыба тоже люди, только наша его понимай нету. (Рыба тоже как человек, только мы её не понимаем)*
- 4) *Моя хорошо понимай, это место худое. (Я хорошо понимаю, что это место худое).*
- 5) *Моя хорошо понимай его – он указал на миноносец. (Я хорошо понимаю его).*
- 6) *Моя только один охота понимай. (Я только умею охотиться).*
- 7) *Как тебе столько лет в сопках ходи, понимай нету? (Сколько лет ты по сопке идёшь, не понимаешь?)*

13.Посмотри(6)

- 1) *Тебе сам посмотри, – ответил гольд. (Ты сам посмотри).*
- 2) *Тебе, капитан, туман худо посмотри. (Ты, капитан, в тумане худо посмотришь).*
- 3) *Как ваша понимай нету? Посмотри сам! (Как вы не понимаете? Посмотри сам!).*
- 4) *Ваша тихонько посмотри! (Вы тихонько посмотрите!)*
- 5) *Его ходи, посмотри, есть люди или нет. (Медведь приходил, чтобы посмотреть есть ли люди).*
- 6) *Капитан! Глаза есть! сам посмотри!*

Местоимения

14. Моя(25)

- 1) *Моя хорошо понимает его – он указал на миноносец. (Я хорошо понимаю его).*
- 2) *Моя хочу один козуля убей. (Я хочу одну козулю убить).*
- 3) *У него много детей, моя считал – шесть есть. (Я считал – шесть есть).*
- 4) *Другой раз здесь моя спи не хочу. (Другой раз тут спать я не хочу).*
- 5) *Теперь моя хочу утка гоняй. (Теперь я хочу утку гонять).*

- 6) Моя говорит ему, на биваке много солдаты есть. (Я говорил ему, что на биваке есть много солдат).
- 7) Моя раньше такие люди, – он показал на жука. (Я раньше был такой человек).
- 8) Моя хорошо понимай, это место худое. (Я хорошо понимаю, это место худое).
- 9) Моя думает, тут черт живи. (Я думаю, тут черт живет).
- 10) Моя теперь шибко боится. (Я теперь шибко боюсь).
- 11) Моя его пугай.- ответил он. (Я сейчас его пугаю).
- 12) Моя думай, скоро его догоняй. (Я думаю, скоро его догоню).
- 13) Моя совсем не может в городе. (Я совсем не могу жить в городе).
- 14) К китайцам ходи не хочу, ее работа моя понимай нету. (К китайцам ходить не хочу, я их работу не понимаю).
- 15) Моя раньше так думай. (Я раньше так думал).
- 16) Моя не могу полезай на дерево, моя старый люди. (Я не могу полезть на дерево, я старый человек).
- 17) Что ревешь – крикнул тигру Дерсу. – Моя тебя трогай нету. (Я тебя не трогаю).
- 18) Моя очень хочу кушать, моя сейчас кушай нету. (Я очень хочу кушать, сегодня ничего не кушал).
- 19) Ты кем будешь? – Моя гольд, – сказал он в ответ коротко. (Я гольд).
- 20) Моя тогда прямо ходи. («Тогда я иду прямо»).
- 21) Моя Владивосток не могу ходи. (Я не могу пойду во Владивосток).
- 22) Моя думай, это дым.(Я думаю, это дым).
- 23) Моя такой не хочу посмотри. (Я не хочу такого посмотреть).
- 24) Моя соболя найди.(Я соболя найду).
- 25) Моя всегда сопка живи. (Я постоянно живу в сопке).
- 15. Наша(16)**
- 1) Наша могу в фанзу ходи. (Мы сможем в фанзу пойти).

- 2) *Зачем бросай мясо в огонь? Наша завтра ехали, сюда другая люди ходи кушай.* (Зачем бросать мясо в огонь? Мы завтра уедем, сюда другие люди придут кушать).
- 3) *Один китайский люди три назад ходи, наша след найти.* (Один китайский человек три назад ходил, мы след нашли).
- 4) *Рыба тоже люди, только наша его понимамай нету.* (Рыба тоже человек, только мы не понимаем его).
- 5) *Дерсу вернулся и привез с собой мясо. Он разрезал его на три части. Однако стрелки начали протестовать, – нельзя, – возразил Дерсу. – Наша так не могу, надо всем люди давай.* (Мы так не можем, надо всем людям давать).
- 6) *Сегодня ночью наша звезды посмотри.* (Сегодня ночью мы звезды посмотрим).
- 7) *Наша внизу ходи, как орехи найти.* (Мы внизу пойдем, и орехи найдем).
- 8) *Капитан, сегодня наша фанза найди нету.* (Капитан, сегодня мы фанзу не найдем).
- 9) *Скоро наша балаган найти есть.* (Скоро мы можем балаган найду).
- 10) *Наша напрасно сюда ходи.* (Мы напрасно сюда пришли).
- 11) *Наша сейчас другое место ходи.* (Мы сейчас пойдем в другое место).
- 12) *Все равно наша не боится.* (Все равно мы не боимся).
- 13) *Наша скоро назад ходи.* (Мы скоро вернемся назад).
- 14) *Наша тут надо дождидай.* (Нам надо тут дождаться).
- 15) *Наша надо скоро работай.* (Нам надо скоро заработать).
- 16) *Худо тут наша спи, – сказал он вполголоса.* (Плохо нам тут спать).

14. Его (11)

- 1) *Его шибко хитрый люди.* (Он очень хитрый человек).
- 2) *Его так сам всегда по небу ходи.* (Он <воробей> так сам всегда по небу летает).
- 3) *Его пришел узнать, люди есть или нет.* (Он пришел узнать, люди есть или нет).

- 4) *Его могу кричи.* (Он может кричать).
- 5) *Посмотри, капитан, это же амба. Его сзади наши ходи.* (Он сзади ходят к нам).
- 6) *Его близко тут прятался, – его долго тут стоял.* (Он близко тут прятался, он долго тут стоял).
- 7) *Его хорошо тут живи.* (Он хорошо тут живет).
- 8) *Его постоянно сам кушай.* (Он постоянно сам кушает).
- 9) *Его самый главные люди, – сказал в ответ Дерсу, показывая на солнце.*
- 10) *Его пропади – кругом все пропади.* (Он главный человек, когда солнце исчезает, все кругом умирают).
- 11) *Я спросил гольда, почему он отпустил летягу. – Его птица нету, его мыши нету, его нельзя убей.* (Он не птица и не мышь).
- 12) *Это амба, – сказал он в ответ. Его очень хитрый. Его постоянно изюбр обмани.* (Он очень хитрый, он постоянно изюбра обманывает).

15.Ваша(4)

- 1) *Ваша хорошо стреляли.* (Вы хорошо стреляли).
- 2) *Чего ваша смеется?– посмотрел на солдат Дерсу, и сердился.– Плакать скоро будете.* (Что вы смеетесь?)
- 3) *Как ваша понимай нету? Посмотри сам!* (Вы не понимаете? Посмотри сам!).
- 4) *Ваша хочу здесь спи, а моя хочу юрта ходи. – ответил он спокойно.* (Вы хотите тут спать, а я хочу спать в юрте).

16.Твоя/ тебе(8)

- 1) *Это – амба. Твоя понимай – амба!... (это тигр, ты понимаешь? – тигр!)*
- 2) *Тебе иголка нету.* (Ты не иголка).
- 3) *Тебе земля ходи.* (Ты на землю ходишь).
- 4) *Подумав, он крикнул: – Тебе какая люди, тебе как чужой мед карабчи!*
(Ты какой человек, ты чужой мед украл!)
- 5) *Тебе, капитан, туман худо посмотри.* (Ты, капитан, в тумане худо посмотришь).

- 6) *Тебе сопка один ходи.* (Ты в сопку один ходишь).
- 7) *Тебе понимай нету, – отвечал он, Надо ходи посмотри.* (Ты не понимаешь, надо пойти посмотреть)
- 8) *Тебе сам посмотри, – ответил гольд.* (Ты сам посмотри).

Наречия

17. Надо(8)

- 1) *Тебе сердись не надо, Капитан! Теперь моя буду говори.*
- 2) *Тебе надо послушай.*
- 3) *Воду тоже надо купи.*
- 4) *Надо бивак делай.*
- 5) *Тебе надо другой место ходи.*
- 6) *Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй.*
- 7) *Надо кругом люди помогай.*
- 8) *Стреляй не надо, моя люди.*

18. Шибко(5)

- 1) *Его шибко хитрый люди. Постоянно так обмани, – сказал он.*
- 2) *шибко жалко старика, Его был смирный люди.*
- 3) *Кабаны! – воскликнул я. – одни люди шибко большой, – тихонько проговорил Дерсу.*
- 4) *Моя теперь шибко боится.*
- 5) *Это шибко худо.*

Частицы(выступает как показатель отрицания)

19. Не(8)

- 1) *Другой раз тут моя спи не хочу.* (Другой раз я тут не хочу спать)
- 2) *Тебе ходи не хочу.* (Ты ходить не хочешь)

- 3) *Теперь его кричи не могу.* (Теперь он кричить не может)
- 4) *Моя не надо.* (Мне не надо)
- 5) *Наша не боится.* (Мы не боимся)
- 6) *Моя никогда это не видел.* (Я никогда это не видел)
- 7) *Наша так не могу.* (Мы так не можем)
- 8) *Как ваша не понимай?* (Как ты не понимаешь?)

20. Нету(5)

- 1) *Другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету.* (у меня нет другой работы, ловить рыбу тоже не понимаю)
- 2) *Как ваша понимай нету? Посмотри сам!* (Как вы не понимаете?)
- 3) *Люди близко ходи нету.* («Человек не пришел к нам ближе»)
- 4) *Изюбр теперь понимай нету.* («Теперь изюбр не понимает »)
- 5) *Капитан, тебе понимай нету!* («Капитан ты не понимаешь!»)

В этот список попали прежде всего слова: притяжательные местоимения(*моя, твоя, ваша, его, наша*) , модальные наречия(*надо, шибко*).

Среди них 7 глаголов: *ходи, могу, стреляй, кушай, думай, понимай, посмотри*. Шесть из них зафиксированы в форме императива. Лишь один в форме именительного падежа первого лица.

В корпус существительных вошли всего 6 слов: *капитан, люди, рыба, амба(тигр), сопка, фанза(дом китайского типа)*– последние два слова обозначают сходные реалии в разных культурах: русской, нанайской, китайской.